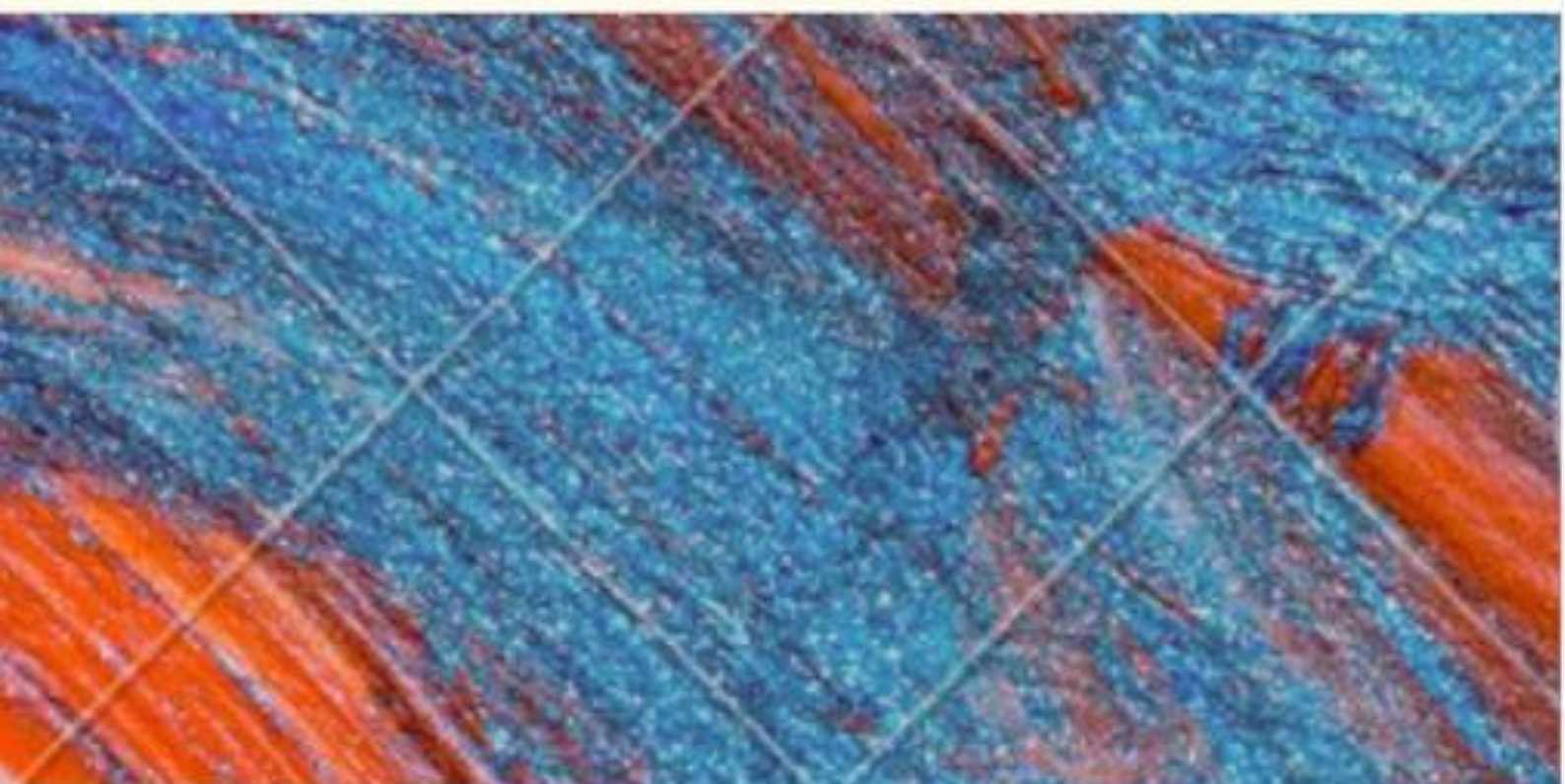

НОО "ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА"

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И ТВОРЧЕСТВО: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ

Антонова Е.Л., Вершинская Г.М., Павлович И.Л.,
Шулика М.В., Яковлева Л.В.

МОНОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Культура, искусство и творчество: история,
современные направления развития и
достижения

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2018

УДК 008
ББК 7
К90

Рецензенты:

Бавбекова И.А. – кандидат искусствоведения, зав кафедрой «Изобразительное искусство». ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»

Авторы:

Антонова Е.Л., Вершинская Г.М., Павлович И.Л., Шулика М.В., Яковлева Л.В.

Культура, искусство и творчество: история, современные направления развития и достижения [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 79 с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2018. – Режим доступа: <http://scipro.ru/conf/monographculture.pdf>. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10".

ISBN 978-5-907072-57-2

Монография посвящена проблемам исторического и современного развития культур и искусства. Современный этап развития науки характеризуется отчетливо наметившейся тенденцией рассмотрения изучаемых процессов и явлений во всей совокупности их взаимосвязей, а попытка глобального охвата проблем, стоящих перед различными областями знаний, ведет к изменению парадигмы научных исследований. Искусство и культура оказались той средой, где, пожалуй, ранее других форм мировидения, возникла тенденция к целостному восприятию окружающего пространства, сформировалось неприятие диктата всепроникающей рациональности.

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам в области искусствоведения и культурологии, а также студентам, магистрантам и аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik, Canva.

ISBN 978-5-907072-57-2

© Авторский коллектив, 2018 г.

© Издательство НОО Профессиональная наука, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава 1. Значение гончарства для славянских народов.....</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Ангел из библиотеки и неучтенное культурное наследие</i> <i>рачейских альп (рачейского бора)</i>	<i>51</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	75
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	79

Введение

Современный этап развития науки характеризуется отчетливо наметившейся тенденцией рассмотрения изучаемых процессов и явлений во всей совокупности их взаимосвязей, а попытка глобального охвата проблем, стоящих перед различными областями знаний, ведет к изменению парадигмы научных исследований. Искусство и культура оказались той средой, где, пожалуй, ранее других форм мировидения, возникла тенденция к целостному восприятию окружающего пространства, сформировалось неприятие диктата всепроникающей рациональности.

В современном искусстве также проявляется общая тенденция использования методологических достижений и опытных данных смежных областей наук. Интенсивные методологические поиски с обращением к иным наукам обусловлены необычайной широтой круга проблем, которыми занимается искусство. В процессе исследования искусства нередко возникают общественно-исторические, философско-эстетические, социологические, психофизиологические, технические и прочие проблемы. Поскольку решение подобных вопросов, выходящих за рамки непосредственной компетенции дисциплин искусствоведения, внутренними методологическими ресурсами искусства обычно оказывается весьма затруднительным, появляется необходимость обращения к соответствующим научным областям. Это побуждает к тесному взаимодействию с общественными, гуманитарными, естественными и техническими науками, что обуславливает необходимость налаживания междисциплинарных связей.

Монография состоит из 2-х глав.

Первая глава «Значение гончарства для славянских народов» посвящена вопросам изготовления гончарных изделий у славян (белорусов и русских). Авторы анализируют обзор литературы по данной теме и разрабатывают некоторые особенности исторической периодизации декоративно-прикладного искусства на территории Беларуси и России. Авторам удастся выявить, что с развитием капиталистических отношений обычным явлением в гончарном промысле становится острая конкуренция между мелкими товаропроизводителями, что вынуждает многих закрывать собственное производство и наниматься в гончарные мастерские или искать новый рынок сбыта. Авторы приводят примеры формовочной массы, техники изготовления гончарных предметов. В статье также приводятся примеры изготовления народных глиняных игрушек, как части гончарного промысла.

Во второй главе рассматривается вопрос неучтенного культурного наследия (в частности, фигурных камней) Рачейских Альп. В последние годы наблюдается усиление интереса к фигурным камням, находящимся на территории Рачейских Альп. Предполагается связь между фигурными камнями, неучтенным культурным наследием и проявлением малоизученных сил (например, синхронистичности) в общественном сознании.

Авторский коллектив:

Антонова Е.Л., Вершинская Г.М., Шулика М.В., Яковлева Л.В.
(Глава 1. Значение гончарства для славянских народов)

Павлович И.Л. (Глава 2. Ангел из библиотеки и неучтенное культурное наследие Рачейских Альп (Рачейского бора))

Глава 1. Значение гончарства для славянских народов

Декоративно-прикладное искусство – универсальная форма выражения духовного мира человека, его материальной культуры. Являясь особой формой познания мира человеком, которое осуществляется через чувственное, конкретно-образное восприятие действительности и последующее изображение. Декоративно-прикладное искусство развивает эмоциональность, богатство и тонкость образного мышления и зрительного восприятия.

В росписях изделий декоративно-прикладного искусства большую роль играет чувство соразмерности и красоты. В древности все элементы росписи наносились схожим способом, создавались в одном масштабе, которые свидетельствовали о простоте и цельности изделия. Вся суть народного искусства всегда заключалась в том, что из несложных элементов и деталей создавали простую и изысканную вещь. Мы обратили внимание, на тот факт, что «полифоничность», смешение крупных деталей с мелкими не свойственны были народному искусству, как Беларуси, так и России. Однако, со временем под влиянием профессионального искусства появились и здесь элементы «полифоничности», филигранности, сложности. Художники не расписывают мелко всю чашку или блюдо, поскольку считают это не столь красивым. Однако роспись со сплошным крупным рисунком их также не привлекает. Поэтому мелкие и крупные элементы при росписи органично совмещаются друг с другом.

Научный интерес к данной теме также продиктован развитием профессионального декоративно-прикладного искусства, производственная база которого предоставляет необходимые условия для создания художественных произведений с использованием национальных традиций. Политические, экономические изменения, наметившиеся в начале 1990-х годов, отразились на состоянии декоративно-прикладного искусства не только Беларуси, но и России. Всесторонний анализ произведений декоративно-прикладного искусства славянских стран – Беларуси и России – позволяет выявить особенности развития и трансформации техники росписей на рубеже XIX – XX веков и в современное время.

Современное декоративно-прикладное искусство базируется на основных принципах традиционного народного творчества, используя новые технологии. На современном этапе нами было установлено, что росписи изделий декоративно-прикладного искусства применяются по керамике,

стеклу (характерны для народного искусства Беларуси) и дереву (преимущественно в России).

До XIX века произведения народного искусства не привлекают внимания ученых. В конце XIX века первые попытки были произведены белорусским этнографом Н.Я. Никифоровским, который предлагает краткий обзор гончарных изделий и предпринимает попытку их классификации. Об особенностях декоративно-прикладного искусства писал русский этнограф, лингвист и фольклорист П. Шейн и белорусский этнограф, фольклорист, публицист и археолог Е. Романов

Отдельные сведения о белорусском гончарстве были опубликованы в дореволюционное время на польском языке. В статье этнографа С. Япмина «Гончарство в глухих углах Беловежской пущи» дается описание гончарных кругов и горна, техники формовки изделий, при этом текст статьи сопровождался иллюстрациями.

В начале XX в. была опубликована статья Я. Тарнаповича «Гончарные изделия крестьян Городищской волости Новогрудского уезда Минской губернии», в которой освещены те же вопросы, что и в описании керамического производства населения Могилевской губернии.

В первые годы Советской власти были изданы преимущественно описательные по своему характеру статьи, которые посвящены отдельным центрам керамического производства. Наиболее ценной является работа Е. Сергеевко «Гончарство в селении Бабиновичи», в которой рассмотрены гончарная техника, изделия, экономическое положение ремесленников. При этом описания орудий труда и керамической посуды сопровождаются рисунками.

После Великой Отечественной войны интерес к белорусскому народному декоративно-прикладному искусству усилился. В 1957 г. была опубликована обзорная статья белорусского этнографа М.Я. Гринблата о крестьянских промыслах и ремесла в Белоруссии. Необходимо отметить, что автор перечисляет очаги изготовления керамики, отчасти затрагивает технику и технологию этого ремесла.

В 50–60-е годы XX века искусствоведом И.М. Елатомцевой создано несколько научных работ, посвященных самым различным аспектам керамического производства белорусов. Краткая характеристика гончарного промысла и применения глиняной посуды в быту населения содержится в исследовании этнографа Л.Л. Молчановой, посвященном традиционной материальной культуре белорусов.

В 70–80-е годы XX века характерны как становление белорусской

академической школы, которая в большей степени оказала влияние на развитие науки о народном белорусском искусстве. Как справедливо отмечает искусствовед В.И. Жук «в эти годы наблюдается значительное преобладание такого жанра, как творческий портрет – небольшие иллюстративные очерки о творчестве художников, при этом в центре внимания искусствоведов всегда находился образ современных художников Белоруссии».

Анализируя состояние народного декоративно-прикладного искусства в России, мы можем отметить, что интерес к народным промыслам на территории России проявляется в конце XIX века. В это время выходят в свет труды историков, археологов, этнографов, педагогов, художников, искусствоведов. Одним из аспектов, который был рассмотрен в работах этнографов Г.В. Мясникова и М. Романюка, был описание техник росписей, использовавшихся в росписи игрушек севера России.

Особый интерес вызывают работы, посвященные вопросам изучения особенностей росписи предметов декоративно-прикладного искусства: публициста и фольклориста Н.И. Бедника, члена союза художников РСФСР и мастера Семинской хохломы С.П. Веселова, музеолога В.М. Вишневской, искусствоведа А.В. Красильникова и кандидата искусствоведения А.Н. Тюкаловой.

История развития декоративно-прикладного искусства Беларуси отражена в исследованиях искусствоведа В.И. Жука, историка искусствоведения М.С. Кацера. Отличие работ данных авторов состоит в основательном и последовательном изложении материала о развитии декоративно-прикладного искусства в целом, в то время как издания других ученых или их коллективов отражают историю развития какого-либо одного народного ремесла.

К подобного вида изданиям относится работа «Беларускае мастацкае шкло» (1978), составителем которой выступил О. Суркий.

Белорусское художественное стекло становилось объектом исследования искусствоведа М.М. Яницкой, которая подробно и основательно раскрывает историю развития и становления искусства обработки стекла на территории Беларуси. Исследовательница данного народного ремесла приходит к выводу, что развитие стеклоделия на белорусских землях повторило путь развития производства стекла на земле. В монографии отмечается, что «производство стекла здесь (на белорусских землях) развивалось почти непрерывно. Однако, особенного расцвета стекло как художественный материал обрело в период Средневековья». Художественному стеклу М.М. Яницкая посвятила несколько монографий: «Вытою шкларобства

Беларусь», в которой подробно освещает особенности развития данного вида народного искусства, рассматривая путь его совершенствования от периода позднего железного века.

Издание «Художественное стекло Советской Беларуси» исследует историю уже советского художественного стекла, анализируется творчество ведущих белорусских художников и мастеров по художественной обработке данного материала. В основе построения данного научного издания заложен исторический принцип, раскрыты особенности состояния стекольной промышленности Беларуси различных десятилетий XX века вплоть до 80-х гг. Издание освещает отличительные черты белорусской: школы художественного стекла, а также заводов по производству стекольных изделий («Неман» и «Хрустального завода имени Дзержинского»).

В монографии искусствоведа В.И. Жука «Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII–XX вв.» решена проблема становления и развития профессионального декоративно-прикладного искусства в Беларуси. В своей работе автор выявляет формы и характер его взаимодействия с искусством соседних народов, определяет роль и место этого взаимодействия в процессе становления национальной художественной школы, дает научный анализ внутренних закономерностей развития на разных исторических этапах. В исследовании искусствоведа В.И. Жука, вышедшем в 2006 г., акцент сделан на художественной керамике, стекле, гобелене. В целом работа носит основательный характер, однако внимание автора сконцентрировано в основном на декоративно-прикладном искусстве XX века, которому и посвящена большая часть издания.

Одну из своих работ искусствовед В.И. Жук посвятил керамике. В данном издании прослеживаются пути формирования профессионального декоративно-прикладного искусства Беларуси середины XX века, рассматриваются основные тенденции развития, дается характеристика этапов его становления, показывается определяющая роль национальных традиций. Анализируются произведения таких белорусских художников керамики и стекла, как М. Клецков, Э. Позняк, Т. Порожняк, Н. Пушкар, М. Филиппович и др. Основным объектом исследования в данном издании становятся произведения керамики и особенности развития данного вида народного промысла в XX веке; подчеркивается влияние декоративно-прикладного искусства на эстетическое воспитание и духовное развитие каждого отдельного человека, способного проникнуться красотой и мастерством произведений керамики.

Немало научных трудов, раскрывающих проблемы декоративно-

прикладного искусства, существуют и в России. Так, педагог М.С. Соколова рассматривает декоративно-прикладное искусство в системе культуры и искусства. В 2012 году Ю.И. Мазина защитила кандидатскую диссертацию на соискание степени кандидата искусствоведения, посвященную вопросу национальных традиций декоративно-прикладного искусства в современном дизайне.

Искусствовед В.В. Казакова в научной работе «Частные собрания декоративно-прикладного искусства в контексте русской культуры XVIII – первой половины XIX века» раскрывает вопросы феномена декоративно-прикладного искусства через призму взаимодействия собственно предметов декоративно-прикладного искусства с культурой XVIII века и первой половиной XIX века. Раскрывает сущность профессионального декоративно-прикладного искусства и народного искусства.

Кандидат искусствоведения Ю.Г. Щербина в своей работе «Народное декоративно-прикладное искусство Кубани: вторая половина XIX – начало XXI века» рассматривает особенности формирования декоративно-прикладного искусства в советский период, выявляет формы бытования народного декоративного искусства и художественные традиции.

Искусствовед Н.В. Дробышева в работе «Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа» раскрывает сущность декоративно-прикладного искусства, выявляет генезис декоративно-прикладного искусства, рассматривает особенности и функции на современном этапе развития. Автор также анализирует декоративно-прикладное искусство с позиции этнокультурного компонента, раскрывая духовный потенциал.

Кандидат искусствоведения Л.В. Миненко анализирует историческую динамику и трансформацию декоративно-прикладного искусства России в современных условиях. Выявляя способы адаптации декоративно-прикладного искусства к меняющимся историческим и культурным условиям, определяет роль, место и значение декоративно-прикладного искусства в крестьянской культуре.

Кандидат искусствоведения И.В. Макарова рассматривает принцип включения произведений декоративно-прикладного искусства в систему народных праздников малых народов Севера; при этом автор выявляет роль и место произведений декоративно-прикладного искусства в контексте народного праздника, опираясь на выразительные средства материалов и изделий.

Фундаментальные труды по изучению специфики декоративно-

прикладного искусства принадлежат фольклористу, этнографу П.Г. Богатыреву, историку искусства В.М. Василенко, коми этнографу, специалиста в области изобразительного искусства и фольклора финно-угорских народов Л.С. Грибовой, философа, культуролога, специалиста в области истории культуры М. Кагану, кандидата искусствоведения, педагога А.С. Канцедикас, научного сотрудника Государственного Эрмитажа И.Н. Ухановой.

Таким образом, современная искусствоведческая наука обладает богатым материалом, который позволяет в достаточной степени изучать проблемы и особенности становления декоративно-прикладного искусства Беларуси и России. Вместе с тем не проводились исследования, направленные на изучения взаимовлияния белорусского и русского декоративно-прикладного искусства с позиции выявления особенностей художественной росписи предметов.

При проведении сравнительного анализа исторических предпосылок возникновения декоративно-прикладного искусства в славянских странах – Беларуси и России, мы можем констатировать, что особенности местных культур, возникшие в XVII – XVIII веках, легли на глубинные отличия в историческом наследии самих этнических групп – русских и белорусов¹.

Сравнивая вехи в истории развития и становления декоративно-прикладного искусства России, мы можем констатировать тот факт, что в XII – XIII веках в Киевской Руси, наоборот, наблюдается упадок всей культуры в целом и в том числе декоративно-прикладного искусства. Это связано с тем, что территория современной северо-восточной и центральной России была опустошена и разграблена вследствие набегов татарских ханов.

На рубеже XVII–XVIII веков в России начинают складываться промыслы, ориентированные на продажу. Этот факт можно связать с тем, что именно в это время происходит формирование централизованного государства с развитием рынка, который создавал условия для продажи бытовых изделий².

Наиболее активное развитие промыслов во всех регионах России начинается со второй половины XIX века. В 1888 году впервые на уровне правительства обсуждали вопрос о поддержке ремесла в стране. Грандиозным финалом в программе, рассчитанной на поддержку народных промыслов, можно считать первую всероссийскую кустарно-промышленную выставку,

¹ Живая вера. Ветка / сост.: Г.Г. Нечаева, О.Д. Баженова. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2012. – С. 12

² Миненко, Л.В. Историческая динамика и трансформация декоративно-прикладного искусства России в современных условиях: XVIII–XX вв. – 24.00.01. – Кемерово, 2004. – С. 57

прошедшую в 1902 году в Санкт-Петербурге. В этой выставке приняли участие мастера из 75 губерний. В конце XIX века народные промыслы пришли в упадок, в связи с развитием мануфактур, фабрик и заводов³.

Большое значение для развития народного декоративно-прикладного искусства как Белоруссии, так и России имел XX век, особенно после установления советской власти.

В 20-е годы XX века в культуре наблюдается возврат к народным корням и промыслы начинают постепенно возрождаться. В 1919 году В.И. Ленин издает декрет «О мерах содействия кустарной и мелкой промышленности». В тех областях и районах, где до революции существовали центры промыслового изготовления изделий быта возникали новые кооперативные промысловые артели. Создаются специальные керамические мастерские в Витебске, Могилеве. В 1938 году организован Белорусский художественный промышленный союз. Эти данные свидетельствуют о бурном развитии декоративно-прикладного искусства, о внимании государства к проблемам народностей и росте национального самосознания белорусов, однако внедрение промышленности в эту сферу, накладывает негативный отпечаток, который проявляется в утрате индивидуальности и уникальности в городской среде и подъему национального в сельской среде.

40-е годы XX века были неудачными для культуры и искусства не только России, но и Беларуси. После окончания Великой Отечественной войны начинается период восстановления традиций народных промыслов. В 50-е годы XX века важным моментом можно назвать использование традиционного орнамента. Именно в этот временной отрезок шел процесс накопления художниками декоративно-прикладного искусства профессионального опыта. Открытие отделений декоративно-прикладного искусства в институтах Минска, Москвы, Кемерово позволили решить проблему подготовки национальных кадров.

К началу 60-х годов XX века восстанавливаются поставки художественной продукции на экспорт, принимаются важные решения о привлечении к работе мастеров-надомников. В 1968 году выходит постановление «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов». В 1975 году было принято постановление ЦК КПСС, в которое было направлено на необходимость содействия творческой активности и увеличению выпуска высококачественных изделий народных художественных промыслов и

³ Миненко, Л.В. Историческая динамика и трансформация декоративно-прикладного искусства России в современных условиях: XVIII–XX вв. – 24.00.01. – Кемерово, 2004. – С.92

популяризацию декоративно-прикладного искусства.

В XX веке в белорусском декоративно-прикладном искусстве прослеживаются те же тенденции, что и в европейском, художники работают и в стиле модерн, и в стилях ар-деко, функционализм, оп-арт. Из этого следует, что, декоративно-прикладное искусство Беларуси развивалось:

- во времена барокко, рококо под сильным влиянием западноевропейского искусства и собственных, закрепленных во времени художественных приемов обработки материалов и характеризуется, в целом, синтезом искусств, тесной взаимосвязью декоративно-прикладного прикладного искусства с изобразительным искусством и архитектурой;

- «Золотым веком» декоративно-прикладного искусства стал XVIII век;

- на современных предприятиях художественной промышленности и в индивидуальной практике народных мастеров используются и варьируются принципы формообразования предметов быта с древних времен, а также приемы орнаментального декора.

Событием для российских мастеров можно считать принятый в 1999 году федеральный закон «О народных художественных промыслах», в рамках которого были разработаны соответствующие целевые программы, предоставлены субсидии и кредиты.

Отмена крепостного права, формирование капиталистических отношений оказали огромное влияние на развитие ремесел и промыслов. В. И. Ленин выделил в дореволюционной России конца XIX — начала XX в. пять форм производства: домашнее, на заказ, мелкотоварное, мануфактурное и фабричное. В гончарстве на территории современной Белоруссии в условиях капиталистического развития существовали мелкотоварное и мануфактурное производства, хотя не исключено, что кое-где могло быть известно также домашнее и на заказ⁴.

По своему характеру домашнее гончарство, т. е. изготовление керамики только для собственных нужд, не связанное с ее сбытом, представляет собой первоначальную форму производственной деятельности, когда ремесло еще не отделилось от земледелия.

«Этот вид соединения крестьянских «промыслов» с земледелием наиболее типичен для средневекового хозяйственного режима, будучи

⁴ Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006.

необходимой составной частью этого режима. В пореформенной России от подобного патриархального хозяйства... остались только обломки, именно: домашние промыслы крестьян и отработки».

Недостатки дореволюционной статистики затрудняют определение удельного веса гончарного промысла в экономике. Можно только отметить, что в крупных городах, таких, как Минск, Витебск,

Полоцк, Могилев, гончарное ремесло к концу XIX в. шло на спад. Так, согласно списку витебского горшечно-печного цеха, в городе в 1867 г. действовала 41 гончарная мастерская, в семи из них имелись подмастерья и ученики общим числом 12 человек.

Через 30 лет в Витебске было зарегистрировано лишь 14 мастеров, работавших без подмастерьев и учеников 23. Характерно, что здесь за три неполных года с января 1899 г. по август 1901 г. в различные ремесленные цехи было принято 387 учеников и среди них ни одного не отдано для обучения гончарству. Похожая картина складывалась и в Минске, где за 11 лет с 1815 по 1825 г. в мастера из подмастерьев было произведено 16 человек. Незначительным был тут приток мастеров, подмастерьев и особенно учеников на протяжении 50 – 80 годов XIX в. Среди получивших звание мастера встречаются жители близких к Минску местечек Ивенда, Ракова, Плещениц, Смолевич, Вилейки. В небольших же городах гончарство не испытывало столь заметного кризиса. Например, в 25 городах Гродненской губернии в 1905 г. насчитывалось 362 мастера-горшечника, державших 91 рабочего и 64 ученика⁵.

Мелкотоварное гончарство в конце XIX – начале XX в. существовало как производство с семейной, так и наемной организацией труда. Применение только семейного труда было типичным явлением в сельском гончарстве. Он широко использовался в городах и местечках. Семья представляла традиционную социальную основу, на которой базировался гончарный промысел. Ведущая роль в нем принадлежала мужчинам. Жены и дети ремесленников помогали заготавливать и обрабатывать сырье, носить и загружать посуду в горн или печь, выполнять другие работы. Когда мальчики подрастали настолько, что могли крутить гончарный круг, они должны были заниматься формовкой посуды. Постепенно родители передавали свои знания и секреты мастерства детям. При этом юноши обучались всему производственному процессу, а девушки – обычно только подсобным работам. В

⁵ Грынблат, М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі; XIX– пачатку XX ст. / М.Я. Грынблат. – Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1957, № 2. – С. 56

некоторых крупных центрах гончарства, где оно для многих было основным источником существования, традиция семейного производства была необычайно прочна.

В частности, в Городной на Столинщине еще в начале XX в. существовал обычай, согласно которому девушка не выходила замуж за юношу, не умевшего изготавливать глиняную посуду. Почти все производственные операции, включая иногда и обжиг изделий, выполняли в избе. В одном из ее углов была яма или просто место на полу, куда ссыпали часть заготовленной глины. Ремесленники называли это хранилище «глшшк», «катух», «коцак».

Гончарный круг размещался около окна так, чтобы на его рабочую поверхность падал свет. Мастера, которые достаточно регулярно и в больших размерах вели производство, сооружали под потолком в один или два яруса полки для сушки посуды — «палцы», «палац», «пятра», «тэзы».

В городском и местечковом гончарстве в комбинации с семейным трудом нередко применялся наемный труд. Держать мастерскую с подмастерьями, т. е. наемными работниками и учениками, могли только ремесленники, аттестованные на звание мастера.

В губернских городах они объединялись в цехи, подчинявшиеся ремесленной управе. Правовое положение этих лиц было закреплено в ремесленном законодательстве. В сохранившихся книгах минского и витебского гончарно-печных цехов есть ряд документов второй половины XIX в., позволяющих в основных чертах осветить условия приема учеников и найма подмастерьев.

Договор на обучение гончарству, как и другим ремеслам, заключался между одним из родителей мальчика или юноши и мастером. В документе оговаривался срок учебы, который в зависимости от возраста ученика составлял чаще всего от 3 до 5 лет. Но отмечены случаи, когда отдавали малолетних детей на срок от 6 до 10 лет, первая часть которого отводилась на воспитание, а вторая, обычно 5 лет, на обучение гончарному ремеслу. Согласно договорным обязательствам, одни мастера обеспечивали ученика на время учебы не только питанием, но и рабочей рубашкой, штанами. Другие давали верхнюю одежду и обувь. Нередко предусматривалась и ежегодная или по частям в течение года выплата определенной суммы денег родителям мальчика или же самому ученику. Иногда встречалось условие дать ученику по окончании обучения праздничную рубашку, штаны, пиджак и сапоги.

Находясь на протяжении всего срока учебы в чужой семье, ученики были совершенно бесправными и от них во всем требовалось повиновение. После поимки в случае бегства им выносилось в ремесленной управе

наказание. О мерах, применявшихся к ученикам гончаров, ничего неизвестно. Но наказания, очевидно, были типичными и не зависели от принадлежности к тому или иному цеху. Сведения о них имеются по другим профессиям. Так, беглеца могли оставить на двое-трое суток в управе для исправления, которое заключалось в ежедневном, по часу утром и вечером, замаливании греха, стоя на коленях перед иконой, или подвергнуть телесному наказанию в размере десяти ударов.

Когда курс обучения заканчивался, ученику по ходатайству мастера ремесленная управа выдавала книжку подмастерья, который мог после этого свободно наниматься на работу. При найме оговаривался срок, заработная плата и другие условия, например выдача два раза в месяц денег на баню, предоставление питания, жилья. Подмастерье же обязан был добросовестно работать, обучать учеников и следить за их поведением. Для перехода в мастера подмастерью необходимо было иметь трехлетний стаж работы, возраст не менее 21 года и выполнить успешно пробную мастерскую работу.

В конце XIX — начале XX в. наемный труд в гончарстве применялся в Полоцке, Минске, Могилеве, Ивенце, Ракове и других городах Беларуси. Наемный труд использовали не только белорусские, но и русские мастера (в Смоленске, Вятке). Таким образом, развитие мелкотоварного гончарного производства шло по линии «к все большему употреблению наемного труда, к образованию капиталистических мастерских»³⁰. Такого рода заведений, которые в дореволюционной статистике неправомерно называются заводами, было, например, в Минской губернии в 1901 г. 5, а в 1902 г. — 6 с общим числом соответственно 133 и 162 человека. Количество капиталистических глиняно-гончарно-посудных и изразцово-гончарных мастерских росло. В Борисове к 1910 г. их существовало 6, где было занято 75 рабочих. Причем в пяти заведениях число рабочих составляло от 4 до 10, а в одном — 40 человек. Около Борисова в местечке Черневка действовали 4 гончарные мастерские, в которых трудились около 100 местных жителей. Все эти производства находились на стадии капиталистической мануфактуры, и их владельцы имели широкие деловые связи. Так, в Черневке основное сырье — глину добывали на месте, глазурь же и другие материалы получали из Австрии и Риги. Продукцию сбывали не только в Беларуси, но и в России, на Украине. Гончарные производства, находившиеся на стадии мануфактуры, имелись также в Минске, Копыси, Ивенце.

Несмотря, однако, на рост наемного труда, мелкотоварное производство с семейным трудом в гончарстве было преобладающим. Анализ

материалов показывает, что в сельской местности гончарный промысел являлся побочным по отношению к земледелию и им занимались, как правило, в свободное от сельскохозяйственных работ время, а в городах и местечках для многих ремесленников был основным и порой даже единственным источником существования⁶.

Данные особенности накладывали отпечаток и на широту торгово-экономических связей тех или иных гончарных центров. В частности, у сельских ремесленников район сбыта продукции обычно был наиболее узким. Причем выявилась закономерность: чем ниже технический уровень и товарность производства, тем меньше зона, в пределах которой велась продажа керамики. Так, гончары, работавшие в технике лепки, развозили изделия по округе в радиусе, как правило, не более 20—30 км, что характерно для северо-запада Беларуси. Те сельские мастера, которые, как и городские или местечковые, изготавливали посуду в технике вытягивания, продавали свой товар нередко в 40—60 км и на большем расстоянии от дома.

Значительно более широкой бывала зона распространения керамики, производившейся в городах и местечках. Примером могут служить торговые связи городских гончаров, которые, нагрузив фуры посудой, везли ее в Пинск, Дрогичин, Столин, Давид-Городок, Туров. В Столине многие ремесленники нанимали большие лодки и добирались с товаром по Горыни и Припяти до Петрикова и Мозыря. Уже в начале XIX в. белоглинную городенскую керамику вывозили в Варшаву, Вильнюс, Киев, Минск. В Вильнюсе ее называли «телеханской» по аналогии с изготавливавшимся в Телеханах фаянсом и охотно покупали, особенно владелец ювелирной фабрики Вагнер³³. Городенцы продавали свои изделия и на Украине, преимущественно на Ровенщине, и обеспечивали ими практически все Припятское Полесье.

Обширным был рынок сбыта у раковских и ивенецких гончаров. Они развозили керамику на 200—250 км к западу и северо-западу от дома. Особенно велика была в этом роль евреев-скупщиков, приезжавших из Радошкович, Сморгони, Ошмян, Воложина, Долгинова. Некоторые из них покупали сразу по 15—20 возов посуды.

С продажей керамики связаны применявшиеся в конце XIX — начале XX в. в гончарных центрах различных регионов Беларуси местные системы подсчета гончарной посуды. Они предусматривали одновременно дифференциацию изделий по величине.

⁶ Грынблат, М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі; XIX— пачатку XX ст. / М.Я. Грынблат. – Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1957, № 2. – С. 57.

Одна из своеобразных систем подсчета существовала в Городной. Здесь все сосуды считали на «дзiesiąту» и «фуры», т. е. возы. Причем в зависимости от величины посуда имела специальные названия. Так, горшки объемом примерно около 1 л назывались «мамзель», 2 л — «паузливач», «семак», 3 л — «злівач», 4—6 л — «нярознак», 6—8 л — «пададзшец», 8—16 л — «адзшец», свыше 16 л — «паляк». Производные от этих терминов определения («мамзэльёвы», «семаковы», «злівачовы» и т. д.) в сочетании с местными бытовыми названиями форм сосудов («глечык», «слот», «гладышка» и т. д.) служили для обозначения объема этой посуды⁷.

Основу условного десятка составляли 10 «мамзеляу». «Паузливачоу» или «семакоу» приходилось 7 на десяток, «злівачоу» — 5, «нярознакау» — 3, «пададзшцоу» — 2 на десяток, «адзшцоу» — 3 на 2 десятка, «палякоу» — 1 на десяток. Фура равнялась 100 условным десяткам посуды.

В отличие от юга Беларуси на севере ее в таком гончарном центре, как Глубокое, керамические изделия при продаже считали на «штуки» и «сотни». «Штукай» или «штучным» являлся сосуд величиной 8—10 л. Посуда объемом 4—5 л называлась «пауштучнай», или «палавшшцай», 2—3 л — «трайшк», «траёнка», 1 л — «чатвярэнь», «чатвяронка», 0,5 л — «пяцярэнь», «пяцяронка». Соответственно этому количество изделий той или иной величины приходилось на «штуку» по два, три, четыре и пять. При подсчете различались сотни «простая» и «складная». Простая сотня состояла только из штучных сосудов⁸.

В западных районах исследуемой территории керамические изделия считали копами. При этом раковские и ивенецкие гончары делили посуду в зависимости от величины на «цацкавую» — объемом около 0,5 л, «смятанкавую» — 1 л, «рублёвую» 3/4 — 2 л, «квартавую» — 3 л, «паугарцавую» — 4—5 л, «гарцавую» — 10 л, «двухгарцавую» — 20 л, «васьмшвартавую» или «пакавую» — 24 л.

Рассмотренные системы подсчета гончарной посуды были характерны для крупных гончарных центров, в которых применение их было вызвано необходимостью продажи керамики большими партиями оптовому покупателю, каковым являлся скупщик. Нужно сказать, что скупщик был заметной фигурой в гончарном промысле многих местечек и городов. Отмечены две формы участия в промысле торгового капитала — обычная оптовая скупка

⁷ Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006.

⁸ Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006.

товара за деньги и расчет отдельными видами сырья. Характерно, что скупкой товара за деньги занимались не только профессиональные мелкие торговцы, но и сами производители. В Несвиже, Лиде, Городной некоторые мастера, пользуясь тем, что не все местные или окрестные ремесленники умели делать поливную керамику, которая пользовалась наибольшим спросом и ценилась дороже простой, специализировались на глазуровании. Скупив большую партию посуды, они покрывали ее глазурью, после чего выгодно перепродавали. Вторая форма, связанная с частичным расчетом за товар сырьем, вела постепенно к подчинению мелкого производителя скупщику. Она, например, часто применялась на Витебщине в местечках Чашники, Яновичи, Экимань и других, где торговцы поставляли гончарам свинец для глазури и краску за деньги, а часто в счет оплаты изделий, а также в кредит.

С развитием капиталистических отношений обычным явлением в гончарном промысле стала острая конкуренция между мелкими товаропроизводителями, что вынуждало многих из них, для кого ремесло было основным источником существования, закрывать собственное производство и наниматься в гончарные мастерские или искать новый рынок сбыта. С этой целью некоторые мастера переезжали в сельскую местность, ближе к массовому потребителю гончарных изделий, каковым было в начале XX в. крестьянство.

Наиболее усиленная миграция гончаров наблюдалась на западе Белоруссии, особенно из таких центров керамического производства, как Ивенец, Раков, Мир. Причем многие мастера долго не задерживались на одном месте. Поработав 2—4 года, они переезжали в другое селение. Например, ивенецкий гончар Борис Подлипский в течение своей жизни работал в 13 местах, в четырех случаях открывал собственную мастерскую. Характерно, что зона миграции ивенецких ремесленников охватывала не только северо-запад исследуемой территории, но и простиралась в Восточную Литву. Известно также, что местечковые гончары на востоке Белоруссии перебирались жить на Смоленщину. В свою очередь происходил приток их и на белорусские земли. Он наблюдался главным образом на Гомельщине, куда переселялись мастера с соседней Черниговщины.

Опираясь на знания, накопленные поколениями мастеров, на свой личный опыт, гончары обладали вполне достоверными представлениями о глине, на основе которых могли достаточно точно определить ее пригодность для работы. Они различали сырье по назначению. Так, грубую глину, шедшую на строительство печей, иногда называли «пячоукай», подчеркивая

тем самым ее несхожесть с употреблявшейся для изготовления посуды гончарной глиной.

Последняя, за редким исключением, специального названия не имела. Известно только, что ивенецкие и раковские мастера называли ее «ганчаркай». Городенские ремесленники термином «ашска» в отличие от остального керамического сырья обозначали красную глину, которой расписывали изделия. В ряде центров гончарства средней Белоруссии материал дифференцировали в зависимости от уровня залегания. При этом выделяли верхний горизонт глины, так называемую «верхаводку».

Под ней подразумевалось обычно некачественное, сильно засоренное известняком и корешками растений, непригодное для работы сырье. Мощность слоя верховодки, понятие о которой имело локальное распространение и было обусловлено местными природными особенностями, достигала примерно 1,5—2 м.

Более конкретные представления о глине как о материале для производства керамических изделий сформировались в связи с ее качеством. Основным качественным показателем, на который прежде всего обращалось внимание, была степень пластичности, или связующая способность. По этому признаку гончары различали три сорта глины: высокопластичную, средней и низкой пластичности. Пластичность определялась довольно просто, обычно на ощупь, путем разминания и растирания комочков глины руками или зубами. Высокопластичная, вязкая глина, по словам мастеров «тлустая», «жирная», «як масла», хорошо тянется. Но изделия из нее разрушаются при высокой температуре. Глина низкой пластичности («худая», «посная», «пешчаная») известна под названием «глей»⁹.

Она шершавая на ощупь, в руках рассыпается и поэтому практически не формуется. Ее достоинство — огнестойкость. Такой дифференцированный подход к сырью, когда качественно выделяли два его сорта или вида — глину жирную и тощую, хотя ни одна из них, по мнению ремесленников, в природном виде не годилась для применения в производстве и требовала соответствующей подготовки, получил в белорусском народном гончарстве повсеместное распространение.

Глинистая порода средней пластичности являлась как бы промежуточной между предыдущими и по качеству была такова, что непосредственно могла использоваться при изготовлении керамических изделий.

⁹ Грынблат, М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі; XIX– пачатку XX ст. / М.Я. Грынблат. – Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1957, № 2. – С. 55

Специальные термины для обозначения этого сорта сырья по полевым материалам нигде не выявляются, за исключением двух центров гончарства. Языковеды зафиксировали только недавние по происхождению названия: в Ружанах — «срэдня» глина, а в Городной — «самаробка», «з самой робяць». Один из старых городенских гончаров рассказывал, что до революции глину копали в трех местах и смешивали.

Представление о материале, обладающем от природы необходимыми технологическими свойствами, существовало в конце XIX — начале XX в. на территории Белоруссии не везде. Главным образом оно бытовало среди городских и местечковых мастеров и отчасти в сельских поселениях Поднепровья. Определенная динамичность и в то же время географическая избирательность, а отсюда известная узость этого явления, практически полное отсутствие в лексике гончаров специальных устойчивых названий, которыми бы обозначали глину средней пластичности, свидетельствуют о сравнительно позднем зарождении знаний о ней.

С тем или иным качеством глинистых пород гончары связывали и особенности их природной окраски. В Припятском Полесье жирными считались черные и серые глины, а тощими — красные, светло-серые и белые. Преобладавшие в северной и средней Беларуси красно-бурые глины независимо от оттенков цвета, а только по степени содержания примесей песка, относили к жирным или тощим.

Изредка встречавшиеся на этой территории серые, синие и черные глины причислялись ремесленниками к более жирным по сравнению с красно-бурыми.

Изучение народных знаний о глине показывает, что гончары обладали известной суммой сведений о сырье в той мере, в какой ими можно овладеть без применения научных методов. При этом воззрения носили сугубо утилитарный характер, отличались крайней простотой и конкретностью. Основопологающими являлись знания о пластичности или вязкости и термической устойчивости глин, а сопутствующими — о природной окраске. Истоки этих знаний, очевидно, восходят к древнейшему времени, когда зародилась обработка глины. К значительно более поздним по происхождению, локальным по территории распространения относятся не столь существенные, общие знания о материале, согласно которым он дифференцировался по назначению и уровню залегания.

На основе ясного понимания свойств глины ремесленники решали такие ответственные задачи, как выбор сырья и подготовка его для работы. По качественному показателю среди добывавшихся глин преобладала

жирная, но заготавливались и другие сорта материала, что было связано с местными рецептурными особенностями составления формовочной массы. Общим требованием к ней, которое коррелировалось техническим уровнем производств и функциональным назначением изделий, было органическое сочетание достаточно высокой пластичности и огнеупорности. Оно достигалось как на территории Беларуси, так и на территории России по-разному: путем подготовки формовочной массы из глины и непластичной минеральной добавки, из глины одного сорта без добавления примесей, из смеси разных по своей пластичности и огнеупорности сортов глины.

Исходным сырьем для формовочной массы с непластичной добавкой служили жирная глина и отощающий компонент, повышавший ее огнеупорность — дресва, иногда песок. Дресву получали из разрушившихся при пережоге камней. Их брали из своей домашней бани или специально пережигали в печи. Зафиксированы два способа подготовки дресвы.

Первый способ состоял из последовательного раздрабливания и размалывания камней. Вся работа выполнялась при помощи жерновов простейшей, самой архаичной из известных сегодня конструкций.

Они представляли собой два камня: большой нижний - «камень», «шита» с вогнутой поверхностью, на которой вручную дробили и растирали дресву малым камнем округлой формы — «бггун», «бгтук», «бггушк», «баец», «баёк»¹⁰. Характерно, что подобного рода жернова, часто встречающиеся при археологических раскопках, известны с эпохи неолита и определяются исследователями как зернотерки, применявшиеся на территории Беларуси до V—VI вв. В единичных случаях местечковые ремесленники на северо-западе Минщины и западе Витебщины и востоке Смоленщины использовали для этого же ручные мельницы, т. е. вращающиеся каменные жернова, которые повсеместно служили в домашнем хозяйстве для размола зерна.

Второй способ получения дресвы представлял собой мелкое раздрабливание пережженных камней в обычных деревянных ступах при помощи «бгуга» (другого камня) или же деревянного песта, рабочий конец которого имел железную оковку. Данная техника обработки сырья зафиксирована исключительно в северной и средней Беларуси в группе гончарных центров Клецкого и Поставского районов, в отдельных поселениях Ивьевского и Браславского районов. Судя по характеру применявшихся орудий труда,

¹⁰ Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006.

второй способ более поздний.

Составление формовочной массы путем смешивания разных по своему качеству сортов глинистых пород, где роль отошающего компонента выполняла глина низкой пластичности, доминировало в гончарстве Припятского Полесья, встречалось на севере Гомельщины и юго-западе Могилевщины, а также на Смоленщине, Брянщине.

Сопоставление применявшихся в белорусском гончарстве в конце XIX — начале XX в. тех или иных рецептов формовочной массы с традиционными знаниями ремесленников о сырье показывает, что к наиболее древним относятся навыки подготовки ее из глины и дресвы или песка, а также из разных сортов глины.

Как свидетельствуют археологические данные, традиция изготовления посуды из глины с непластичными добавками восходит к древней технологии. На землях Белоруссии уже в эпоху неолита к глине добавляли параллельно с толчеными раковинами и растительными остатками дресву, которая стала преобладающим видом непластичной примеси в бронзовом веке. Примесь дресвы прослеживается и в керамике всех последующих археологических культур, а в северной и средней полосе исследуемой территории — также по памятникам феодального времени. Аналогичная или близкая по составу формовочная масса была типична в прошлом и для керамики остальных славянских народов, но в начале XX в. достаточно широко применялась только в лесной зоне европейской России, на востоке Польши, в Югославии, а также в соседних с северной и средней Беларуси прибалтийских областях — Восточной Литве. На остальной территории славян преобладали навыки приготовления формовочной массы из одного и смеси двух или нескольких сортов глины, хотя в отдельных гончарных центрах, например на Украине, изредка встречалось использование керамической массы из глины и песка.

Примечательно, что термины: белорусский — «жарства», «жарствца», «жэрства», русский — «дресва», «дверства», «дверста», украинский — «жорства», южнославянский (за исключением болгарского) — «врста», «дврста», «дрства», «зврст», польский — «drzistwo», связанные с обозначением растертого или растолченного камня, добавлявшегося к глине, восходят к самым ранним, общим пластам славянских языков и представляют собой важный след для выявления сходства в технологии изготовления керамики.

Не менее древнее близкое название дресвы имеется в балтийских языках — «zvirgzdas» в литовском, «zvirgzds» в латышском, *kojo* – которое указывает на давние балтославянские культурные взаимосвязи.

Общий термин отсутствует в настоящее время только в словарном фонде болгар, чехов и словаков. Все это говорит о том, что местные особенности в составлении формовочной массы у славян возникли после их расселения. А. А. Бобринский утверждает, что у восточно-славянских гончаров навык составления формовочной массы путем смешения разных сортов глины впервые появился примерно с X – XI вв. в Среднем Поднепровье, но до XIII–XIV вв. здесь параллельно существовала еще прежняя технология. На юге Беларуси формовочную массу из смеси различных по своему качеству разновидностей глины, судя по всему, широко применяли уже в XIV–XV вв. Об этом свидетельствует то, что в это время на Правобережье Припяти изготавливалась такая же, как и на землях Юго-Западной Руси, т. е. Среднего Поднепровья, белоглиняная тонкостенная керамика. Распространение рецепта формовочной массы из смеси разносортных глин, связанное с притоком гончаров с северо-востока Украины, наблюдалось еще в начале XX в. на Гомельщине¹¹.

Использование ремесленниками глины одного сорта без добавления отощающих примесей – сравнительно недавнее явление. Оно распространялось, вытесняя частично или реже полностью иные рецепты составления формовочной массы. Это происходило первоначально в городах и местечках и было связано с массовым переходом на протяжении последних четырех-пяти веков к быстроходным ножным кругам и производству посуды в технике вытягивания.

Наравне с анализом способа заготовки материала, его формовочной массы, мы не можем не обратить внимание на имеющиеся орудия для обработки формовочной массы. Процесс подготовки глины в различных центрах гончарства Беларуси, как впрочем и на территории России и Украины, имел много общих черт.

Добытый материал свозили на двор и складывали кучей – «гурбай», «грудай» прямо на землю или в сооруженное из плах, жердей хранилище под открытым небом. После этого сырье заливали водой, оставляя его так киснуть и перемерзать до весны или даже следующей осени. В некоторых же поселениях, например в Бабиновичах Лиозненского района, Малых Карнышах Новогрудского района, Ясинце Барановичского района и других, глину, наоборот, предохраняли от преждевременного воздействия влаги и поэтому запасы держали под навесом или в какой-либо холодной постройке – сарае, каморе. Несмотря на определенное своеобразие условий хранения

¹¹ Рыбаков, Б. А. Русское прикладное искусство X – XIII веков / Б.А. Рыбаков. – М.: 1972.

материала, не столько связанных с его качественными особенностями, сколько с местными традициями, лучшим повсеместно считалось перемерзшее сырье — более податливое при обработке.

Тем не менее, далеко не всегда гончары использовали в производстве вымороженную глину. Это наблюдалось преимущественно в городах и местечках, где гончарный промысел утратил ярко выраженный сезонный характер и велся интенсивно практически круглый год. Так, бобруйские ремесленники, доставив сырье к усадьбе, прямо на возу обливали его водой и оставляли так на час-полтора, чтобы приобрело «клёк», т. е. раскисло и частички породы слиплись. Только тогда материал вносили в избу для дальнейшей обработки.

Порозовские и брестские мастера добытую глину сразу же складывали в домашний глиняник, где она перед обработкой постоянно находилась во влажном состоянии и прела таким образом от трех недель до полутора месяцев.

При окончательной подготовке формовочной массы на территории Беларуси применялись способы пластической обработки сырья. Сходные или очень близкие по своему смыслу, они в то же время отличались заметным техническим разнообразием. Благодаря этому их можно разделить на несколько групп. В первую группу входят способы, основанные на разминании глины ногами, во вторую – долбней, в третью – ногами и долбней, четвертую – те, которые основаны на переработке глины теркой.

В результате полевых исследований удалось выяснить, что способы первой группы, характерные для северной и средней полосы Беларуси, связаны с подготовкой формовочных масс, состоявшихся с непластичным отошающим компонентом, а также без него – из глины одного сорта.

Наиболее простой, архаичной является техника подготовки формовочной массы с примесью дресвы или песка. В долбленом, а нередко в сколоченном из дубовых плах корыте глину заливали водой: летом – холодной, зимой – теплой, горячей, – и тщательно перемешивали лопатой. Добавив затем отошающий компонент, начинали месить ногами, разминая преимущественно пятками. Это происходило иногда в том же корыте, а чаще на полу, предварительно посыпанном дресвой или песком, чтобы масса не прилипла к поверхности. В нескольких соседних селениях Мядельщины существовал также своеобразный обычай производить обработку летом во дворе на снятой входной двери. Растоптанный пласт глины скручивали или резали на части, складывая их стопкой, и снова разминали. Так обрабатывали от 6 до 12 раз. Материал считался достаточно подготовленным к

работе, когда превращался и однородное тесто, щелкавшее под ногами. Во многих очагах гончарства ремесленники не ограничивались только разминанием сырья ногами и дополнительно вымешивали его руками.

При подготовке формовочной массы из глины одного сорта без добавления непластичного компонента параллельно применяли усовершенствованные или усложненные способы обработки: перемятое ногами сырье очищали от сора, стругая проволокой — «дротам», «зрезкай», «рзэкай», «стрункай», «меддзю». В отдельных центрах гончарства на востоке Витебщины и западе Смоленщины куски глины не стругали, а уплотняли, ударяя о пол. Так же, как и при обработке формовочной массы с непластичными примесями, на поверхность пола, когда сырье разминали, подсыпался тонкий слой песка, иногда золы, реже «прысады», т. е. сухой растертой глины низкой пластичности, или подстилался холст.

Процесс подготовки материала завершался, как правило, непосредственно перед формовкой. Кусок сырья — «кавалак», «кувалак», «савалак», «сувалак», «шмат» весом примерно 8 – 12 кг руками тщательно вымешивали, или «валкавалі», «клецавалі» словно тесто. При этом удаляли вредные примеси — «смецце», «кузюльи» (включения известняка — «мергель», «маргель» и корешки растений), которые во время обжига посуды рвали ее стенки или оставляли раковины. Окончательно подготовленная формовочная масса разделялась на небольшие шарообразные или цилиндрические куски — «камаш», «камкі», «камы», «галушкі», «клецы», «клест», «кубатачкі», «сыскі», достаточные по размеру для изготовления одной посуды.

Анализ особенностей обработки материала, применявшейся гончарами северной и средней Беларуси, а также в западных районах России, показывает, что разминание сырья ногами, будучи связанным в своем истоке с рецептом составления формовочной массы из глины и дресвы, иногда песка, является исторически первоначальным, самостоятельным способом обработки, который с развитием ремесленной техники превратился, хотя и не везде, в составной элемент или прием других способов.

О его традиционности свидетельствует запись 1691 г. в приходно-расходной книге Могилева на выплату денег фурману за доставку воды «на топтане глины». В качестве самостоятельного способа оно применялось в начале нынешнего века только сельскими ремесленниками преимущественно на северо-западе Белоруссии и было известно также на соседних землях, в частности на территории Московской губернии и Восточной

Литвы¹².

Пластическая обработка сырья ногами и руками, видимо, представляла собой последующий шаг в развитии техники подготовки формовочной массы. Данный способ имел повсеместное распространение в северной и средней Белоруссии, встречался и за ее пределами, например у белорусов в Белостокском воеводстве, у русских в Калининской и Костромской областях.

Значительно позднее сформировались способы обработки, дополненные другими техническими приемами. При этом, например, обычай уплотнять куски глины ударами о пол характерен для смежных районов Беларуси и России, где локализуется в небольшой зоне — на северо-востоке Витебщины и севере Смоленщины с преобладанием на территории последней. Гораздо шире был известен способ, в котором приемы пластической обработки (ногами и руками) сочетались со строганием материала проволокой.

Судя по ясно выраженной связи с навыком подготовки формовочной массы из одного сорта глины без добавления отощающей примеси, строгание начало бытовать не ранее четырех-пяти веков назад.

Применение в обработке сырья проволоки, очевидно, явилось результатом местного совершенствования ремесленной техники. Об этом свидетельствует то, что основной достаточно обширной и в то же время компактной зоной распространения данного способа у славян и соседних с ними народов является северная и средняя Беларуси частично вместе с примыкающими районами юго-западной Смоленщины и юго-восточной Литвы. Причем на западе этой зоны он отличался в начале XX в. несколько неустойчивым бытованием, а на Могилевщине был наиболее стабильным, откуда, судя по всему, распространился на территорию Смоленщины.

Разнообразные способы, основанные на разминании сырья ногами, были распространены не только в лесной полосе Восточной Европы, но и известны в той или иной степени на всей славянской территории. В частности, они господствовали в Югославии, реже встречались, бытуя параллельно со способами других групп, на Украине, в Чехии, Словакии, Польше, Болгарии. Учитывая, что в прошлом славянские гончары повсеместно применяли формовочную массу из глины с добавкой непластичных компонентов, можно полагать, что и обработка сырья ногами является таким же древним общеславянским элементом, на базе которого в средние века и новое время на исследуемой территории сформировалась более сложная

¹² Рыбаков, Б. А. Русское прикладное искусство X – XIII веков / Б.А. Рыбаков. – М.: 1972.

техника подготовки материала.

Включенные во вторую группу способы, в основе которых лежала пластическая обработка сырья деревянным молотом – «доубняй», «даубешкай», «чакухай», «кукай», «кукешкай», бытовали на большей части южной Белоруссии – в Припятском Полесье, на севере Гомельщины, встречались и в средней полосе Беларуси, хотя имели там весьма ограниченное распространение.

Они повсеместно связаны с подготовкой формовочной массы из смеси разных видов глины, а иногда также с обычаем употреблять в производстве массу из глины одного сорта без добавления к ней непластичного компонента.

Самый простой из известных сегодня способов второй группы зафиксирован в территориально незначительном ареале, который образуют на западе средней Беларуси три соседних гончарных центра – Малые Карныши, Ладзеники и Лодзени на Новогрудчине.

Местные ремесленники, дав размякнуть сырью под воздействием воды, выкладывали его на пол и, прежде чем вымешивать руками, разбивали в лепешку деревянным молотом, которую сворачивали и снова разбивали, повторяя так несколько раз. Практически аналогичная технология с той лишь разницей, что обработку сырья молотом производили в «жолабе», выдолбленном из ствола осины или липы, применялась на востоке средней Беларуси в Старой и Новой Будовке Толочинского района¹³.

Более сложная ремесленная техника господствовала на территории Гомельщины и части Брестчины. Уложенные друг на друга пласты жирной и тощей глины гончары плотно сбивали молотом в «бабу», «кабылку» или «стоубж» и стругали поперек слоев бондарным или самодельным (из косы) стругом. Таким образом, материал перерабатывали два-три раза и, слепив в комы – «грудкі» весом 8 – 10 кг, складывали претъ в глинник. Через один-два дня их вымешивали, выбирая сор, и разделявали на «грудачи», или «груды», «галю», из которых формовали посуду.

В этом типичном для южной Беларуси способе обработки глины и связанной с ним терминологии гончаров выявляется значительное, а зачастую и полное сходство с подготовкой формовочной массы и ремесленной лексикой на Украине, особенно с центрами керамики северо-восточных и западных областей, Закарпатья. Причем ареал бытования техники обработки

¹³ Грынблат, М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі; XIX– пачатку XX ст. / М.Я. Грынблат. – Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1957, № 2. – С. 56.

сырья, близкой к южнобелорусской, не ограничивается юго-западным регионом Восточной Европы, а частично простирается дальше на соседние западнославянские земли — в Польшу и Словакию, охватывая в итоге обширную часть территории, заселенную славянами.

Рассматривая способы подготовки сырья, выделенные во вторую группу, необходимо подчеркнуть, что наиболее ранними по своему происхождению являются те, которые встречались на территории Новогрудского и Толочинского районов. При этом обращает на себя внимание компактность их ареалов и относительно незначительная, но в то же время заметная географическая удаленность от основной зоны распространения способов второй группы. Можно предположить, что техника обработки глины молотом и руками без применения строгания, известная также в Словакии, широко быто пала в прошлом на юго-западе Восточной Европы, откуда и была принесена на земли Беларуси. Сравнительный анализ имеющихся материалов по технике гончарного ремесла позволяет утверждать, что на территории Новогрудского района обычай обрабатывать формовочную массу молотом, а также составлять ее из смеси разноразных глин появился не позднее XIII—XIV вв. в результате притока носителей соответствующих ремесленных навыков с земель, лежащих к югу от средней Белоруссии, когда там еще могли применять ручной гончарный круг.

Способы, отнесенные к третьей группе, которые основаны на пластической обработке сырья ногами и молотом, встречались sporadически на территории средней и юго-восточной Беларуси. Среди них можно выделить два. Первый связан с подготовкой формовочной массы из глины и дресвы. Он отмечен у ремесленников в Морино Ивьевского района. Вся обработка, за исключением вымешивания материала руками, производилась в корыте из дубовых плах. Сначала размякшее сырье мяти пятками, пока не расползется. Затем «доубняй» разбивали в лепешку, которую разрезали пополам и, сложив обе части вместе, снова обрабатывали, повторяя этот цикл четыре-пять раз.

Второй способ связан с подготовкой формовочной массы из смеси разноразных глин. Он применялся бобруйскими мастерами и гончарами местечка Юревичи на востоке Полесья и состоял из двух фаз или стадий. В первой фазе обработки сырье попеременно сбивали «чакухай» в «бабу» и стругали стругом, после чего складывали на сутки преть в глинный.

Оба способа, что отчетливо видно из их технологической схемы, возникли в результате слияния в единый комплекс приемов обработки формовочной массы, присущих отдельным способам первой и второй группы.

Поэтому не случайно первый способ третьей группы, состоящий из наиболее ранних по своему происхождению навыков обработки (ногами, молотом и руками), сформировался на западе средней Беларуси – в районе, где зафиксированы самые простые, одноэлементные и двухэлементные способы подготовки сырья: 1) ногами, 2) ногами и руками, 3) молотом и руками¹⁴.

Точно так же вполне закономерно, что второй способ третьей группы, представляющий собой совокупность технически более развитых способов первой и второй группы, существовал в гончарных центрах в нижнем течении Березины и Припяти. В аналогичном направлении происходила эволюция обработки материала и в отдельных зонах керамического производства Украины. В частности, техника подготовки глины очень близкая к той, что применялась бобруйскими и юревичскими мастерами, получила распространение на юге Левобережья и в Среднем Поднепровье.

Способ обработки сырья теркой, выделенный в четвертую группу, бытовал на западе средней Беларуси, где применялся преимущественно городскими и местечковыми ремесленниками в таких крупных центрах гончарства, как Раков, Мир, Ружаны, Пружаны. Он связан с подготовкой формовочной массы из одного сорта глины без непластичного компонента, а иногда из глины с добавкой песка при изготовлении кухонных горшков.

Обработку выполняли следующим образом. Из размякшего сырья при помощи лопаты, а в некоторых случаях валька – «прашка» делали «бабу» или «пень» и растирали, т. е. «дралі», «таркавалі» выпуклой металлической теркой – «таркай», отличавшейся от обычной кухонной только большим (приблизительно 50х25 см) размером. Растирание производилось на полу, а чаще на плахе, положенной поперек корыта, или на наклонной дощатой подставке – «зэдлше». При этом крупные корешки растений и мергель сквозь отверстия терки не проходили. Мелкие примеси выковыривали заостренной деревянной палочкой или металлической пластинкой – «скрэбачкай».

Обращает на себя внимание то, что данный способ подготовки формовочной массы получил частичное распространение в той же зоне Беларуси, где преобладали способы первой группы, основанные на разминании сырья ногами. Как показали полевые исследования, он появился сравнительно недавно, на рубеже XIX – XX вв., вытеснив обработку материала ногами, хотя первое время иногда употреблялся и в сочетании с ней. Показательно, что «гаркаванне» бытовало только в центрах гончарства с высокоразвитой

¹⁴ Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006.

ремесленной техникой. Трудоемкость процесса обработки, особенно ощущавшаяся мастерами западных районов средней Белоруссии, из-за низкого качества сырья, содержавшего большое количество мергеля, явилась основной причиной, вызвавшей использование терки в гончарном производстве. Это позволило существенно упростить и ускорить подготовку формовочной массы. Поэтому обработку глины путем растирания можно считать важным техническим усовершенствованием в практике западно-белорусских и восточно-русских гончаров, которое они применяли и переселившись за пределы исследуемой территории, в частности в Восточной Литве.

Изучение народной техники и технологии подготовки сырья показывает, что она отличалась на белорусских землях большим разнообразием, в котором отразился сложный процесс ее развития.

Ретроспективный анализ этнографических материалов и их сопоставление с данными археологии позволяют сделать вывод о том, что наиболее древние элементы (рецепт формовочной массы из глины с непластичным компонентом и навык обработки ее ногами) бытовали в эпоху доклассового общества и, судя по всему, были типичными для всех славян. Они сохранились в северной и средней полосе Беларуси, а в целом в конце XIX – начале XX в. отчетливо прослеживались в лесной зоне Восточной Европы. Если их считать у восточных славян исконными, то на исследуемой территории в технике и технологии подготовки формовочной массы выявляются следующие изменения. Одно из них связано с распространением к XIV – XVI вв. рецепта формовочной массы из смеси разных сортов глины и способов обработки, основанных на сбивании сырья молотом¹⁵.

Данный процесс охватил главным образом юго-восток (Припятское Полесье и земли в бассейне Днепра на Гомельщине), где происходил, как показали этнографические материалы, в результате притока гончаров с украинских земель и привел в ряде случаев не только к соседству на территории Белоруссии различных в своей традиционной основе навыков, но и их смещению, слиянию в один комплекс. Последующее изменение связано с распространением рецепта формовочной массы из глины одного сорта без непластичной добавки. Начавшись не позднее XVI в., этот процесс постепенно охватил все белорусские земли и прежде всего городские и местечковые центры гончарства. Он обнаруживает связь с развитием навыков на землях, лежащих к западу от Беларуси. Причем на севере и в средней полосе ему сопутствовали изменения в технике обработки глины, происходившие по

¹⁵ Рыбаков, Б. А. Русское прикладное искусство X – XIII веков / Б.А. Рыбаков. – М.: 1972.

линии усложнения способов, а в западных районах – также по пути упрощения за счет вытеснения традиционных элементов новыми.

В белорусском и русском народном гончарстве в конце XIX – начале XX в. были известны разнообразные приемы формования керамики. В целом они представляли в технике ее производства два самостоятельных направления: ручную лепку и вытягивание. Но на практике многие принципиально отличавшиеся приемы нередко объединялись в комбинированные способы, что позволяет выделить третье направление, сложившееся на основе частичного слияния первых двух.

Ручная лепка является первым из освоенных людьми направлений. Как справедливо отмечает М.В. Соколов, зарождение было связано с изготовлением ритуальных глиняных статуэток, и произошло это явление в период палеолита. Близкие к древним навыки ручной лепки до недавнего времени широко применялись восточнославянскими и соседними с ними народами при изготовлении мелкой пластики, главным образом игрушек. Традиционные детские игрушки – свистульки белорусские мастера делали, как правило, из двух комочков глины — отдельно голову и туловище (включая ноги и хвост животного или птички), которые затем соединяли. Данная техника изготовления также характерна и для промысловой дымковской игрушки.

Если белорусские мастера использовали такую технику для воспроизведения звука игрушки, в которой должна находиться резонаторная полость, то русские мастера использовали ее для придания игрушке более утонченного вида. Белорусские мастера лепили тулово на пальце или цилиндрической палочке длиной 8 – 15 см, диаметром 1 – 2 см.

Для проделывания свистковых и игровых отверстий служили проколки длиной 7 – 12 см из дерева твердой породы – клена, ясеня или молодого дуба. По характеру применения эти инструменты можно разделить на специализированные и универсальные. К специализированным относятся «горлышка» и «трассца» с заостренными концами разной конфигурации и величины в поперечном сечении. Их употребление, встречавшееся только на Новогрудчине, строго регламентировалось функциональным назначением отверстий. Универсальным инструментом являлась «праколка», или «шыпуль», с острием пирамидальной формы, которым проделывали в свистульках все отверстия без исключения. Подобного рода проколки известны в Беларуси практически повсеместно. Специализированные инструменты обладали по сравнению с ними рядом преимуществ. Прежде всего их применение требовало меньших затрат труда, а также постоянно обеспечивало высокое качество работы. Это свидетельствует о том, что в пределах исследуемой

территории техника изготовления игрушек-свистулек достигла наиболее высокого уровня развития на Новогрудчине.

Ручная лепка как самостоятельное направление в производстве глиняной посуды зафиксирована в северной и средней полосе Беларуси. Оно связано здесь с употреблением различных типов орудий – формовочной подставкой, ручным кругом и «северо-белорусскими» разновидностями (преимущественно с цилиндрической формой) ножного круга со спицами. Применявшиеся при этом способы лепки можно подразделить на выдавливание и налеп. Из них лишь первый способ, когда формовали посуду маленького размера (около 0,5 – 0,7 л), употреблялся самостоятельно. В остальных случаях выдавливание и налеп сочетались друг с другом.

Выдавливание сосудов осуществлялось из одного комка глины. Происходило оно следующим образом. От приготовленной формовочной массы отделяли небольшой кусок, достаточный по размеру для изготовления посуды, и придавали ему шарообразную форму¹⁶.

Подсыпав на поверхность круга дресву или золу, чтобы глина не прилипала, ком клали в центр, прижимали и похлопывали рукой, делая плоским обычно с обеих сторон. Затем сильным нажимом пальцев сверху на середину заготовки или ударами кулака глину выдавливали к бокам и постепенно расширяли внутренний объем.

Когда дно приобретало необходимую толщину и диаметр, его край по окружности примазывали к диску и начинали возводить стенки. Их поднимали вверх путем равномерного расплющивания утолщений пальцами, поворачивая по мере надобности круг. После этого деревянным ножиком подправляли бока, дно, обрезали ровно устье и придавали окончательную форму изделию, поверхность которого при быстром вращении обтачивали или заглаживали мокрой тряпкой. Снимали сосуд с круга, подрезав ножом примазку вокруг дна.

Посуду среднего и большого размера начинали делать так, как и маленького, т. е. из комка глины предварительно выдавливали или выбивали дно с зачатком стенок. В дальнейшем их наращивали в технике налепа. Для этого брали чаще всего заранее заготовленный из глины цилиндрический жгут, или валик, – «качалку» толщиной 3 – 5 см и, поворачивая медленно круг, нажимом пальцев налепливали в виде кольца с приплюснутыми боками на внутренний край стенок. Уложенный жгут плотно примазывали,

¹⁶ Живая вера. Ветка / сост.: Г.Г. Нечаева, О.Д. Баженова. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2012.

полностью расплющивали и разглаживали тщательно шов. В результате тулово будущего сосуда вырастало вверх на 5 – 7 см. Если высота была недостаточной, то подобным образом налепливали еще одно-два или три кольца, после чего, как и при изготовлении посуды маленького размера, приступали к окончательной формовке и обработке поверхности.

Описанный прием налепа являлся в северной и средней полосе Беларуси наиболее распространенным, но не единственным. Иная техника, согласно сообщению В. Голубовича, существовала в двух гончарных центрах – Ладзеники и Лодзени на территории Новогрудчины. Правда, нужно заметить, что весь комплекс приемов, применявшийся местными мастерами в процессе формовки, выходит за рамки первого направления и относится к третьему, поскольку в завершающей фазе венчик сосудов вытягивали. Тем не менее в плане систематизации различных видов и вариантов ручной лепки разнообразную технику выполнения налепа целесообразно рассмотреть здесь. Основное отличие ее состояло в том, что наращивание стенок производилось не только кольцеобразно, но и по спирали. Оба вида налепа – кольцевой и спиральный – ремесленники нередко сочетали в одном изделии. Причем одновременно с налепливанием они расплющивали валик в ленту, что польский исследователь посчитал главным признаком техники изготовления, назвав ее «скользяще-ленточной». Однако с этим определением согласиться нельзя. Превращение жгута в ленту во время налепливания не было связано у ремесленников с каким-либо особым навыком.

Оно обуславливалось высокой пластичностью формовочной массы, которую в данных очагах гончарства Новогрудчины готовили путем смешения двух сортов глины. В других же местах, где производили посуду только при помощи лепки, пользовались глиной со значительной добавкой дресвы – примерно в пропорции 3:1. Валик из такой жесткой массы непосредственно при налепе не поддавался сильному расплющиванию, а становился лишь чуть плоским. Кстати, подобную прямую зависимость между степенью пластичности глины и степенью расплющивания валиков из нее выявила и Л. С. Кितिцина у русских гончаров. Все это позволяет сказать, что техника, которую В. Голубович назвал «скользящеленточной», на самом деле представляет собой жгутовой вариант параллельно употреблявшихся двух видов налепа – кольцевого и спирального.

Мало известным способом на исследуемой территории являлся спиральный налеп. Помимо Новогрудчины, он зафиксирован на юго-западе – в нескольких гончарных центрах Пружанщины. Согласно современным этнографическим изысканиям и письменным сведениям начала XX в., тут

существовали две вариации спиральной техники – жгутовая и ленточная. Спирально-жгутовой налеп употреблялся в комбинации с вытягиванием до 30-х годов XX в. ремесленниками Пружан и расположенной неподалеку деревни Плебанцы. В этом отношении не ясен характер применявшейся в начале XX в. в местечке Шерешево спирально-ленточной техники.

Суть ее состояла в том, что, примазав к кругу выдавленное из комка глины дно с началом стенок, раскатывали в ладонях длинный валик глины и расплющивали его. Конец ленты приклеивали ко дну и при медленном вращении круга налепливали по спирали, тщательно примазывая друг к другу края. При таком способе налёпа посудине сразу придавалась нужная конфигурация. Затем, взяв мокрую тряпку и сильно раскрутив ногами круг, заглаживали бока изделия одновременно внутри и снаружи движением рук снизу вверх (от дна к устью). Окончательную обработку поверхности и профилировку сосуда производили деревянным ножом, напоминавшим своим силуэтом веретено.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в производстве керамической посуды у белорусских и русских мастеров применялось три разновидности техники ручной лепки: выдавливание из комка глины, кольцевой и спиральный налеп. Оба вида последнего представлены в целом двумя подвидами – жгутовым и ленточным. Господствующим же являлся жгутовой вариант кольцевого налёпа. Разновидности и вариации техники ручной лепки сосудов были известны в той или иной мере и за пределами Беларуси – в лесной полосе Европейской России, Восточной Литве и Югославии, где они зафиксированы у гончаров, употреблявших формовочную подставку, ручной круг или «северо-белорусскую» разновидность ножного круга со спицами. Причем среди этих земель белорусские представляют собой, пожалуй, самую значительную и сравнительно однородную зону распространения кольцевого налёпа. Характерно, что традиция его применения здесь весьма глубока и как массовое явление восходит к раннему железному веку. Археологические данные свидетельствуют о том, что в эту эпоху кольцевой и спиральный налеп одно время имели преимущественную связь с определенными культурными группами населения лесной зоны Восточной Европы. Существование двух налепных техник, отмеченное в отдельных очагах керамического производства Беларуси, объясняется смешением технологических традиций, происшедшим в результате тесных контактов или установления близких связей между их носителями. Примером могут служить гончарные центры Ладзеники и Лодзени на Новогрудчине. Если применение здесь кольцевого и спирального налёпа говорит о слиянии различных в

видовом отношении навыков, то такой компонент ремесленной техники, как способ подготовки формовочной массы из смеси глины разных сортов, определенно указывает на распространение, что было выяснено раньше, традиций с земель, лежащих к югу от средней Беларуси.

Сравнительное изучение разновидностей налепа у белорусов, а также по опубликованным материалам у русских показывает, что чаще всего близкую к нужной конфигурацию изделиям сразу придавали ремесленники, применявшие спиральную и комбинированную (спирально-кольцевую) технику, реже так поступали мастера, которые пользовались кольцевым способом. Почти повсеместно в зоне его распространения на территории Беларуси после завершения лепки стенок будущий сосуд напоминал собой цилиндр, который затем в том или ином месте расширяли и профилировали. Однако малопластичная формовочная масса ограничивала возможности ремесленников. Поэтому сформованная таким образом посуда отличалась обычно не очень выразительным, слабовыпуклым силуэтом по сравнению с той, которой сразу придавали необходимые очертания.

Второе направление в технике формования керамики связано с вытягиванием посуды из комка глины. Оно отмечено во всех регионах Беларуси, причем на северо-западе – главным образом в очагах городского и местечкового гончарства. Как правило, только в этой технике работали ремесленники, применявшие ножной гончарный круг с подвижной осью и отчасти также разновидности ножного круга со спицами, бытовавшие в Полесье и Поднепровье.

Вытягивание, или, как его еще называют, точение, производилось благодаря воздействию рук гончара на комок высокопластичной формовочной массы обычно из одного или смеси разных видов глины при непрерывном достаточно быстром вращении круга. В данном способе можно выделить несколько основных моментов, связанных с формообразованием сосудов. Раскрутив круг, на его верхнюю плоскость клали ком глины, который, обжимая руками, сначала центрировали и приклеивали к диску. В следующей стадии давлением больших пальцев в центре заготовки делали углубление и расширяли до нужного диаметра дна. После этого наращивали высоту стенок, вытягивая их движением рук снизу вверх. Получался толстостенный цилиндр, из которого путем расширения боков, а также сужения верха, что зависело от назначения посуды, изготавливали нужную форму. Ее поверхность отделявали при помощи специального ножа, который ремесленники нередко применяли и при вытягивании стенок. Гончарный нож – «шыналь», «шналь», «шнара», «ножык», «ножка», «падчыстка» – представлял собой

треугольную или четырехугольную чаще всего кленовую пластинку толщиной около 0,5 см. Сформованный сосуд снимали с круга, подрезая дно проволочной «зрезкай».

В отличие от способов формовки первого направления вытягивание гончарных изделий из комка глины, типичное для наиболее развитого ремесленного производства, было известно в конце XIX– начале XX в. всем славянским и соседним с ними народам. Причем в областях, прилегающих к Беларуси на юге и западе, вытягивание являлось не просто господствующим, а единственным применявшимся в это время приемом.

Третье направление в технике формования керамики сложилось на основе сочетания приемов, присущих первому и второму направлениям. На русско-белорусской территории оно чаще было связано с производствами, в которых применяли ножной круг со спицами, хотя отмечено и при употреблении ручного круга, а изредка ножного круга с подвижной осью. Несмотря на использование при этом различных рецептов формовочной массы, способы третьего направления обнаруживают несколько большее тяготение к массе, составленной из глины и дресвы. Характерно, что оба компонента смешивались в данном случае в пропорции примерно 5:1 или 7:1, т. е. формовочная масса отличалась малым содержанием дресвы, вследствие чего сохраняла высокую пластичность и обладала лучшей тягучестью по сравнению с массой, которую готовили по такому же рецепту ремесленники, делавшие посуду только при помощи ручной лепки¹⁷.

При применении комбинированных способов их составные элементы (лепка и вытягивание) имели неравноценное значение в формообразовании сосудов, что было обусловлено неодинаковыми функциональными возможностями ручного и ножного круга, разной степенью освоения орудий и овладения навыком вытягивания.

Так, гончары, работавшие на ручном круге и на наиболее примитивных разновидностях ножного круга со спицами, основной объем изделий изготавливали при помощи выдавливания и налепа. Лишь во время заглаживания стенок их верхний край вытягивали на 1—2 см. В Клецком районе сельские и местечковые мастера, пользуясь ножным кругом со спицами, выдавливали из комка глины дно с началом стенок, которые затем вытягивали. Данный способ стоит очень близко к чистой технике вытягивания. Иначе формовали пружанские и некоторые соседние с ними ремесленники, когда применяли

¹⁷ Щербина, Ю.Г. Народное декоративно-прикладное искусство Кубани : вторая половина XIX–начало XXI вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культурологии: 24.00.01 / Ю.Г. Щербина. – Краснодар, 2007.

ножной круг с большим по диаметру нижним диском и вертикальными спицами. Они выбивали из комка формовочной массы дно с небольшим началом стенок, куда спирально налепливали при медленном вращении глиняный валик. Загладив швы, круг сильно раскручивали и вытягивали бока изделия.

В отличие от северо-западных районов Беларуси и северо-западных районов России, где данную разновидность сосудов полностью лепили на формовочной подставке, они сначала вытягивали на круге заготовку наподобие невысокой миски без дна. Затем на доске отдельно изготавливали дно, имевшее овальное очертание. Сюда переносили тулово посуды и, придав ему соответствующую форму путем сжатия боков, налепливали.

Применение способов формования, которые представляли бы собой сочетание приемов ручной лепки и техники вытягивания, встречалось на исследуемой территории и за ее пределами в тех же зонах, где бытовали способы первого направления. Нужно заметить, что славяне и соседние с ними народы повсеместно пользовались техникой, близкой к налепу, для монтировки отдельных частей фигурных сосудов, дымовых труб, для присоединения к определенным видам сформованных изделий ручек, сливных носиков, накладных декоративных деталей.

Сопоставление техники изготовления посуды с типами применявшихся при этом орудий труда показывает, что не все приемы формовки имеют генетическую связь с гончарным кругом. Так, ручная лепка сосудов возникла задолго до его появления. Известные в Беларуси в конце XIX – начале XX в. конструкции гончарного круга выполняли различные, далеко не равнозначные функции.

Самыми ограниченными в функциональном отношении были ручные круги и отдельные архаичные разновидности ножного круга со спицами. Они служили в основном для заглаживания и обтачивания поверхности сделанной от руки керамики, придавая ей одновременно симметричную форму. Вместе с тем с этими орудиями труда связано зарождение навыков вытягивания. Об этом свидетельствуют не только этнографические, но и археологические материалы.

Наиболее совершенная функция – участие в формообразовании при помощи вытягивания или точения из комка глины основного объема изделий – присуща ножному кругу с подвижной осью и развитым разновидностям ножного круга со спицами. Однако возможности последнего раскрывались ремесленниками часто весьма неполно. Это выражалось в использовании в процессе формовки способов, состоявших из приемов ручной лепки и

вытягивания, что объясняется недостаточным освоением функций орудия. Наряду с функциональными особенностями гончарных кругов важным объективным фактором, влиявшим на существование различных способов формовки, особенно в виде двух самостоятельных направлений – ручной лепки и вытягивания из комка глины, была степень пластичности, тягучести формовочной массы. На это указывает преимущественная связь первого направления с грубой формовочной массой из глины и дресвы, а второго с высокопластичной из одного сорта и смеси разных видов глины.

Ретроспективный анализ этнографических сведений убеждает в том, что начальные ростки техники вытягивания появились в гончарстве на исследуемой территории еще в древнерусское время, зародившись в недрах первого направления формовки керамики.

В дальнейшем это в значительной мере ускорило становление навыка вытягивания в качестве самостоятельного способа, что было связано с распространением ножного круга и рецептов подготовки высокопластичной формовочной массы. Но данный процесс протекал на исследуемой территории весьма неравномерно – наиболее интенсивно в городских и крупных местечковых поселениях, а на юго-востоке – отчасти на селе и очень медленно в сельской местности северо-западных районов Беларуси, где в большинстве центров гончарства в начале XX в. даже не начался.

Одной из разновидностей гончарного промысла считается изготовление народных игрушек. В славянских погребениях VI – VIII веков н.э. и в раскопках древних русских городов X – XIV веков: Киева, Новгорода, Рязани, Москвы, Твери, Коломны, Радонежа, Дмитрова, найдены погремушки, разная посуда, фигурки людей и свистульки – кони, птицы, бараны. Игрушки вылеплены вручную из комочков различных глин, обожжены, иные украшены росписью и зелено-желтой глазурью. В формах игрушек уже есть та лаконичность и завершенность пластики, которая приходит в изделие через труд мастеров многих поколений. Такое массовое игрушечное производство Древней Руси археологи открыли впервые.

При раскопках Донецкого городища была обнаружена мастерская XII – XIII веков, где изготавливались глиняные фигурки. Нужно заметить, что фигурки быка, медведя, собаки, птицы, кошки, человека, найденные здесь, не на много отличаются от игрушек более позднего времени.

Подобные фигурки X – XII веков были также найдены в Новгороде, Киеве, Пскове. Птицы, коньки, разнообразные свистульки были выполнены крайне примитивно, грубо, тогда как фигурки женщины с ребенком на руках сделаны с большим изяществом. Некоторые из них имеют ушки для

подвески. Все это дает право предположить, что первые служили игрушками, а вторые, очевидно, имели ритуальное назначение, и, может быть, подвешивались как обереги у входа в дом¹⁸.

Многие игрушки явно вышли из гончарных мастерских – это подтвердили археологические раскопки в Москве. Так, в бывшей Гончарной слободе нашли сразу несколько сотен глиняных игрушек XIV – XVII веков.

Судя по игрушкам XVI – XVIII веков, найденным на территории Москвы, уже в те времена сложился особый, неповторимый тип русской народной игрушки – несложной, дешевой и забавной: свистульки и погремушки в виде коньков с всадниками, собаки, медведи и птицы, а также кукольная посуда – миниатюрные кувшинчики, горшочки, кубышки. Фигурки, при всем лаконизме изображений, выразительны и снабжены конкретными бытовыми деталями: на конях вылеплены сбруя и седла, на медведе – намордник. По всей вероятности, ритуальное значение глиняных фигурок к этому времени было совершенно утрачено. Среди находок есть и более сложные, совершенные по форме и способу изготовления игрушки. Это фигурки людей, животных, вылепленные вручную из различных глин, обожженные и украшенные. На некоторых видны следы окраски, росписи, зелено-желтой глазури. В большинстве своем они плохо сохранились, но настолько выразительны, что легко узнаются¹⁹.

Если некоторые образцы из глины сохранились до наших дней, то игрушки из нестойких материалов утрачены навсегда. Последнее касается деревянной игрушки. Деревянные игрушки известны на Руси с глубокой древности. Они были в обиходе у восточнославянских племен, обитавших на реке Волхове на месте Старой Ладогы, и на реке Ояти, недалеко от древнего Новгорода, еще в IX веке. Отечественные археологи обнаружили на территории древнего Новгорода и Старой Ладогы игрушечные мечи XII века, похожие на настоящее боевое оружие того времени. Однако, подобные находки из дерева чрезвычайно редки.

По ряду письменных источников можно заключить о широком бытовании деревянной игрушки с VII века. Ее покупали в Троице-Сергиевом монастыре, возле которого она делалась на продажу. При Оружейной палате также резали игрушки: «человека деревянного с колесы стоячего», «две

¹⁸ Тарнапович, Я. Гончарные изделия крестьян Городищской волости Новогрудского уезда Минской губернии / Я. Тарнапович // Записки Северо-Западного дела императорского Русского географического общества. – Вильна 1912. – Кн. 1. – С. 17

¹⁹ Богуславская, В.Н. Вопросы, изучающие народное искусство / В.Н. Богуславская // Декоративное искусство СССР 1974. – № 6. – С. 36

лошади потешные з живства» «топорики птешные»²⁰.

Из записей дворцовых расходов узнаем о том, какие деревянные игрушки были в Москве в XVIII веке. В 1721 году в декабре царевичам и царевнам, детям Петра: «куплено в Москве разных игрушек...три коровы, два коня, два оленя, четыре барана, две пары лебедей, два петуха, одна утка, при ней трое детей, город с солдатами, три баула, за все заплачено четыре рубля девять алтын, две деньги»²¹.

Игрушки XVIII века хоть и сохранились до наших дней, но в небольшом количестве. Лучше сохранились и более полно собраны произведения деревянной народной игрушки XIX – XX веков.

В глиняном изображении медведя, которым торговали на русских ярмарках и которое лепят и по сей день мастера Каргополя, Филимонова, заключено несколько смыслов. Первый состоит в том, что медведя отождествляют с тотемом, предком, родичем; второй – в том, что медведь сравнивается с божественной силой, символом могущества и плодородия. С образом медведя связан и славянский бог богатства и урожая Велес. По древнеславянским поверьям, с одной стороны, медведь был хранителем земных богатств и силы, с другой, – связан Подземным миром, так как обитал в берлоге²².

Свидетельством особого почитания народными мастерами медведя служит тот факт, что он не превратился в игрушку-свистульку, тогда как даже в конце XIX – начале XX веков это можно наблюдать по отношению к кукле, бабе²³. В ряде случаев медведь изображается с костяной ногой, которая должна была подчеркнуть его контакт с загробным миром.

Как указывает В.Я. Пропп, костяная или деревянная нога характеризует связь с хтоническим миром²⁴. Охранительная функция медведя ясно прослеживается в обычае, когда молодоженам на свадьбе стелили медвежьей шкуру, на которой те укладывались спать. Шкура, как символ самого медведя, должна была принести молодой семье счастье, много детей и богатство. В связи с подобным верованием известны игрушки, изображающие медведя с человеческими детьми в лапах. Он как бы благословляет их, дарует им счастье и силу.

Особое место в русской игрушке занимает символика коня. С его

²⁰ Церетели, Н. Русская крестьянская игрушка / Н. Церетели. – М.: 1933. – С 17.

²¹ Там же С. 24

²² Федотов, Г.Я. Послушная глина: Основы художественного ремесла / Г.Я. Федотов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

²³ Русская традиционная культура / гл. ред. Н.Н. Шанторенков. – М.: ООО изд-во «РОДНИКЪ», 1996. – № 3. – С. 95.

²⁴ Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Л.: 1984. – С. 125

изображением связан целый ряд представлений. В первую очередь, с конем соотносили солнечных богов – Хорса, Ярило, а также представления о реинкарнации души человека после смерти. Бег этого стремительного и красивого животного выступал для язычников символом катящегося по небосводу солнечного божества. Связь представлений о возрождении души и солнца базировалась на том, что часть суток солнце проводит в Земном мире, а часть – в Подземном. Поэтому и душа человека, проведя какое-то время в Загробном мире, возрождалась для жизни на земле. Подобное представление славяне связывали с символикой двух коней или одного двуглавого коня²⁵.

Во всех этих сюжетах отражалась вера крестьянина в противостояние добра и зла, поэтическое одушевление сил природы, от которых зависело благополучие человека, счастье и достаток.

На Севере была знаменитой каргопольская игрушка. Самой северной была та, которая бытовала в районе города Каргополя, Архангельской области. Издавна в Каргопольском уезде сложился сезонный гончарный промысел на местных красных глинах. Летом каргопольские гончары работали в поле, а с октября до весны занимались изготовлением глиняной посуды – печных горшков, мисок. В этом занятии участвовала вся семья: мужчины, женщины и дети. Каргопольская посуда пользовалась спросом по всему Понезью, ее возили в Архангельск. Из остатков глины мастера лепили игрушки, не придавая им особенного значения. Глиняные лошадки, упряжки, фигурки людей и животных стоили не дорого и особенным спросом не пользовались, их лепили скорее всего для собственного удовольствия, чем ради заработка²⁶.

Современная каргопольская игрушка менее архаична. Сохраняя традиционные формы, нынешние мастера делают ее более изящной, четче акцентируют детали, щедро расписывают маслом и темперой, избегая, однако, излишней пестроты²⁷. Помимо фигурок людей каргопольцы лепят коней, коров, медведей, оленей, героев сказок и былин.

Одним из самых популярных персонажей в каргопольской игрушке был и остается полкан – полуконь-получеловек с окладистой бородой, при ордене и эполетах. Среди других сказочных героев присутствуют лев, птица Сирин, конь о двух головах. Сохраняя традицию, каргопольские игрушечники

²⁵ Дайн, Г.Л. Об искусстве игрушки / Г.Л. Дайн // Советское декоративное искусство 1982. – № 5. – С. 131.

²⁶ Гаевская, Н.В. Каргопольская игрушка / Н.В. Гаевская // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 3. – С. 9

²⁷ Там же С.11

придумывали новые формы и сюжеты своих произведений. Так, появились многофигурные композиции – тройки, возки. Их украшает не блеклый узор, наведенный цветной глиной по известковому фону, а яркая темперная роспись. В 1970-х годах А.П. Шевелев, один из известнейших каргопольских игрушечников, пробовал делать поливные игрушки, которые напоминали прежние, «обварные».

Среди каргопольских игрушечников особая роль принадлежит У.И. Бабакиной, единственной мастерице, никогда не прекращавшей заниматься этим ремеслом. Ей принадлежит заслуга не только сохранения, но и возрождения древнего промысла. Она запомнила с детства сказочного полкана, и первая вновь стала лепить его. Многие современные мастера учились у нее забытому ремеслу.

Другой разновидностью игрушки Севера были новгородские свистульки. Они несколько напоминают скопинские игрушки поливные свистульки Новгородского края, будучи довольно разнообразными по сюжетам. Фигурки новгородских свистулек коренастые, с укороченными пропорциями. На плоских лицах выделяется крупно вылепленный нос, глаза и рот при этом только намечены. Обращают на себя внимание приемы отточенной и быстрой лепки. Фигуры вылеплены из одного куска глины. После того, как сформировалось округлое оконце на конце туловища свистульки, от него оттягивали вниз две коротенькие ножки. От гордо вытянутой груди вытягивалась шея с небольшой головой и острыми ушками, торчащими в разные стороны²⁸.

Центр России славился абашевской игрушкой, которая производилась в еще одном русском художественном промысле, сформировавшемся в Спасском уезде, ныне Беднодемьяненском районе Пензенской области. Производство игрушек здесь возникает в XIX веке на базе местного гончарного промысла. Вытеснение в начале XX века кустарных изделий заводской посудой обусловило постепенное угасание гончарства и выделение игрушки в самостоятельный промысел. В отличие от большинства игрушечных центров, здесь работали преимущественно мужчины. Одним из самых известных по изготовлению игрушки считают Лариона Зоткина, талантливого мастера из села Абашево, автора многих интересных игрушек: сказочных львов, причудливых собак, забавных медведей. В это время складываются характерные для абашевских мастеров скульптурные приемы и особенно росписи²⁹.

²⁸ Гарибова, Т.Л. Волшебный мир народной скульптуры / Т.Л. Гарибова. – Воронеж, Центр. – Черномоземное кн. изд-во, 1977.

²⁹ Гаевская, Н.В. Абашевская игрушка / Н.В. Гаевская // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 2. – С. 8

Особенности абашевской игрушки – это свистульки, изображавшие животных, нередко принимающих фантастический сказочный облик. Фигурки имеют удлиненное туловище с короткими, широко расставленными ногами и длинной изящной шеей. На маленькой, тщательно вылепленной, головке выделяются глубоко процарапанные глаза. Головы козлов, оленей, баранов увенчаны изогнутыми многоярусными рогами. Пышные челки, кудрявые бороды и гривы четко моделированы, их контуры, очерченные стекой, имеют строгий рисунок и высокий рельеф. Свистульки раскрашены яркими эмалевыми красками (синими, зелеными, красными) в самых неожиданных сочетаниях. Например, отдельные детали могут быть расписаны серебром или золотом. Порой части фигурок остаются не закрашенными и резко контрастируют с броскими пятнами эмали. Обычные домашние животные под руками мастера превращаются в сказочных существ. В настоящее время художники стали покрывать свои свистульки бесцветной поливой, что делает фигурки более обтекаемыми и менее яркими.

Дымковская игрушка получила свое название, так как родилась в слободе Дымково (ныне район города Вятки), где производство игрушек уже к началу XIX века приобрело самостоятельное значение. Промысел имел семейную организацию – игрушку лепили женщины и девочки, приурочивая ее изготовление к весенней ярмарке.

Игрушечный промысел в Вятке, по-видимому, возник в глубокой древности. По мнению Б.М. Носика и Н.И. Перминовой, изготовление глиняных свистулек связано с весенним праздником «свистопляска», который имеет языческие корни и посвящен солнцу. Участники праздника свистели в глиняные игрушки и перекидывались расписными шариками. Культовое значение праздника давно было утрачено, но сам ритуал сохранился до начала XX века³⁰.

В середине XIX века под влиянием городского быта и фарфоровой пластики в дымковском промысле складывается свой стиль. Если зооморфные свистульки, связанные с языческим ритуалом, еще длительное время сохраняли архаичные черты, то другие изделия превращались в подобие фарфоровых статуэток: барышни в платьях с кринолинами, дамы в пелеринах с зонтиками, кавалеры, солдаты. К концу XIX века производство глиняных игрушек было полностью вытеснено более дешевыми и технологическими гипсовыми отливками, подражавшими фарфоровым изделиям.

Для производства дымковской игрушки использовалась местная красная глина, тщательно перемешанная с мелким речным песком. Фигурки

³⁰ Дайн, Г.Л. Русская народная игрушка / Г.Л. Дайн. – М.: 1981. – С.53

лепили по частям, свертывая нужную форму из раскатанных в блин глиняных комков. Отдельные детали собирали и долепливали, используя жидкую глину как связующий материал. Следы лепки сглаживали влажной тряпкой для придания изделию ровной поверхности. После полной просушки и обжига игрушки покрывали темперными белилами (прежде побелку осуществляли мелом, разведенным на молоке)³¹.

Если еще в конце XIX века игрушки расписывали анилиновыми красителями, замешанными на яйце с квасом, используя вместо кистей палочки или перья, то сегодня для росписи применяются темперные краски и мягкие колонковые кисти. Использование широкой гаммы придает дымковской игрушке особую яркость и нарядность. Строго геометрический орнамент строится по разнообразным композиционным схемам: клетки, полосы, круги, точки наносятся в различных сочетаниях. Завершают украшения игрушки ромбики из потали или сусального золота, наклеенные поверх узора³².

За годы существования промысла ассортимент игрушек постоянно обогащался. Сегодня большое место принадлежит многофигурным жанровым композициям на темы городской жизни: гуляния, катания на лодках, карусели, ярмарки и хороводы.

Меньше всего изменений претерпела за долгие годы своего существования игрушка из деревни Филимоново – филимоновская игрушка. История возникновения промысла датируется серединой XIX века. Благодаря отличным по качеству белым глинам в районе Одоева с XVI века производили гончарную посуду, продавая ее на местных базарах. Как и в большинстве гончарных промыслов, мастера работали семейно, при этом мужчины делали только посуду, а женщины лепили и расписывали игрушки. Интересно, что природные свойства местной глины, нарядность пластичной и жирной, отразились на облике игрушек.

При просушке такие игрушки деформировались, покрываясь мелкими трещинами, которые приходилось заглаживать влажной рукой. Благодаря этому фигурка утончается и вытягивается, приобретая непропорциональную, но удивительно изящную форму. После обжига изделия приобретали ровный белый цвет, не требующий последующей грунтовки.

Основные образы филимоновской игрушки представлены свистульками: барыни, всадники, коровы, медведи, петухи. Изображения людей монолитны, скупы на детали, близки древним примитивным фигуркам. Все

³¹ Данкевич, Е.В., Жакова, О.В. Знакомьтесь: глина / Е.В. Данкевич, О.В. Жакова. – СПб.: КРИСТАЛЛ, 1998.

³² Дайн, Г.Л. Русская игрушка. Альбом / Г.Л. Дайн. – М.: «Сов. Россия», 1987. – С. 59

персонажи животного мира имеют тонкую талию и длинную, с изящным изгибом шею, плавно переходящую в маленькую голову. Только форма головы да наличие или отсутствие рогов и ушей позволяют отличить одно животное от другого³³. У барана рога – круглые завитки-баранки, у коровы – полумесяцем торчат вверх, у оленя – как причудливые ветвистые деревья, а конскую головку венчают небольшие конические ушки.

Самой загадочной можно считать фигуру медведя с зеркалом. Сказочный зверь сидит, широко расставив задние лапы, и держит в передних лапах овальный предмет. Своей вытянутой изогнутой шеей он похож скорее на жирафа, только небольшая головка отдаленно напоминает медвежью.

Расписывали свои игрушки филимоновские мастерицы яркими анилиновыми красками, замешанными на яйце, нанося их куриным пером. Несмотря на относительную скупость палитры – малиновый, зеленый, желтый и голубой цвета – игрушки получались яркими и веселыми. Одноцветной, обычно зеленой или малиновой, краской раскрашивали голову и грудь, на которые часто наносили несложный орнамент, а вдоль туловища и шеи – разноцветные полосы.

Широко известна в России и скопинская игрушка, родиной которой стала Рязанская губерния. В середине XIX века в ней были обнаружены обильные залежи глины, которые и определили возникновение промысла. Скопинские мастера изготавливали не только игрушки, но и фигурные сосуды. Связь игрушек и фигурных сосудов несомненна: на крышках скопинских сосудов и квасников часто располагались те же лепные птицы, барашки, зайцы, а порой и носик сосуда выполнялся в виде знакомой фигурки медведя. Только такие детали вылепливались тщательнее, чем дешевые игрушки. Как и посуду, игрушки лепили из белой глины и глазуровали. Даже дефекты, неизбежные в кустарном производстве, мастера обращали на пользу дела: неравномерно размолотые крупинки глазури по-разному растекались в обжиге, и гончары всячески использовали в декорировке изделий эту особенность³⁴. Лепка игрушек по-скопински смела и уверенна, обработка резкая, грубоватая, игрушечные персонажи не только забавны – они крепки, выразительны, темпераментны.

Наш анализ будет не полным без рассмотрения народных глиняных игрушек юга России. Особое место занимает Белгородская область, которая славилась своими промыслами и ремесленниками, а также традиционной игрушкой.

³³ Гаевская, Н.В., Иорданский, А. Л. Филимоновская игрушка / Н.В. Гаевская, А.Л. Иорданский // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 5. – С. 11.

³⁴ Основы художественного ремесла: Практик. пособие для руководителей школ. кружков./ Под ред. В.А. Барадулина. – М.: Просвещение, 1979. – С. 147

Одним из самых древних промыслов нашего края считается гончарное производство. Неразрывно с ним связано производство народной игрушки. Основными центрами считались Старый Оскол, Борисовка, с. Орлик, с. Велико-Михайловка, с. Шопино (Шебекинского района). По свидетельству археологов примитивные игрушки, найденные на территории края были распространены повсеместно и относятся к периоду нового каменного века.

Образы зверей, так любимые детьми в прошлом, изображали домашних животных. Овечка, коровка, курочка, гусь, петушок вызывали у ребенка только положительные чувства: любовь, сострадание, воспитывали доброту и отзывчивость. Не только домашних животных изготавливали мастера, встречались и образы хищников. Волки, лисы, медведи, львы и тигры изображались добродушными.

В белгородской игрушке видны скифские традиции, но выражены они по-своему. Во многих игрушках изображающих: птиц, зайцев, коров, коней, животные изображены в профиль. Формы фигурок замкнуты и неподвижны. Они не одинаковы по точности воспроизводства: одни передают детали очень точно, другие – более условно. Все игрушки безобидны, добродушны: никто из них не нападает, не имеет грозных поз. К концу XII - началу XIII вв. замечены игрушки с христианской символикой. Вплоть до нашего времени на некоторых игрушках сохраняется языческие элементы - бугорок с отверстием.

В конце XIX - начале XX века глиняную игрушку лепили жительницы Старого Оскола – сестры Гончаровы, Л.П. Шамыгина. При лепке игрушки-свистульки сестры Гончаровы формовали полости, которые они называли «морковка», в то время как их мама и старшая сестра использовали технику «вареника»³⁵. На основе традиционной пластики стариной глиняной игрушки появляется несвойственная техника декора (частичное глазурование, роспись жидкими глинами), а также применяются анилиновые краски. На формирование старооскольской игрушки оказали влияние курская и тульская школы народного мастерства³⁶.

Расширяя границы локальных школ народного мастерства гончарства и народной глиняной игрушки Белгородчины, хотелось бы более глубоко исследовать историю возникновения ремесленной слободы Борисовки, расположенной почти на границе с Украиной. Предприимчивый и практичный владелец этих земель - граф Шереметев Б.П. – выбирал и расселял ремесленный люд, всячески поощряя развитие ремесел и промыслов. Прекрасные

³⁵ Жиров, М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Учеб. пособие / М.С. Жиров. – Белгород, 2000.

³⁶ Ковалевская, Н. Тавологская глиняная игрушка / Н. Ковалевская. – Екатеринбург, 1995

залежи местных глин обусловили развитие в слободе Борисовка гончарного производства, а, следовательно, как дополнительное производство игрушки. Борисовская игрушка имеет свои конструктивные особенности: она стоит на трех точках опоры (две передние - ноги в виде бугорков и хвостик-свисток). Силуэт игрушки вписывается в равнобедренный треугольник, поставленный на одном из его катетов³⁷. До настоящего времени в русской народной глиняной игрушке, в том числе и местной, сохраняются признаки языческого культа.

Наряду со свистульками преимущественно в крупных городах и местечках Беларуси лепили фигурки людей, создавали жанровые композиции, в которых с юмористическим оттенком и даже гротескно отражали сценки из городской и местечковой жизни. Данная тематика особенно широко вошла в творчество мастеров в начале XX в.

Наиболее ранними фигурками, положившими начало этому направлению, которые скорее всего следует считать декоративной скульптурой, были так называемые «лялю». Они представляли собой сперва незамысловатое, сильно обобщенное изображение городской барыни в расклешенном длинном платье и шляпке. Дальнейшее развитие этой тематики хорошо прослеживается на примере раковской игрушки, изготовленной в 1930 г. в мастерской И. Данилевича. Здесь встречаются более сложные сюжеты — барыни с букетами цветов, кавалеры, гуляющие с барынями.

В этих композициях очевидно стремление к портретному сходству, что проявляется в тщательной скульптурной проработке деталей лица, одежды, полихромной раскраске фигур. Нередко и свистулька раковских мастеров, особенно сюжет, связанный с изображением всадника на коне, перестает быть просто игрушкой. В ней прослеживается сдвиг в сторону иллюстративности и декоративности.

При анализировании традиционных и современных игрушек, мы можем отметить, что обращаем внимание на то, что они увеличены в размерах, а образ всадника конкретизирован и получил вполне определенную трактовку. На коне изображаются король, русский либо польский солдат, генерал. Основные различия между персонажами передаются при помощи характерных особенностей в форме головных уборов. Детализировкой отличаются не только изображения всадников, но и фигурки животных. Рядом точек обозначается уздечка, что усиливает декоративность композиции.

Подобный, хотя и различный по глубине, процесс развития глиняной игрушки от традиционной свистульки к декоративной скульптуре был

³⁷ Вагнер, Г.К. Проблемы жанра и древнерусское искусство / Г.К. Вагнер. – М.: 1974

типичен и для искусства русского и украинского народов.

Таким образом, нами были выявлены и сформулированы исторические аспекты формирования декоративно-прикладного искусства в России и Беларуси, а также выделены и охарактеризованы *этапы становления декоративно-прикладного искусства Беларуси и России*. формирование и развитие декоративно-прикладного искусства в период Киевской Руси – IX – XII века; период застоя (характерен для декоративно-прикладного искусства России) – XIII – XIV века; период расцвета декоративно-прикладного искусства XVII – середина XIX веков (для России) и XIII – середина XIX века (для Беларуси); период упадка (характерно для обеих стран) – середина XIX – 50-е годы XX века; период возрождения – середина 90-х годов XX века.

В керамическом производстве Беларуси, России наблюдалась тенденция к типологической интеграции, в которую включились, правда, несколько позже, восточнославянские, в том числе белорусские земли. В реализации данной тенденции важную роль играли историко-культурные взаимосвязи, контакты с соседями, но определяющее, детерминирующее значение имели происходившие в обществе исторические и социально-экономические процессы.

В результате проведенного исследования мы можем констатировать, что в современном осмыслении народное декоративно-прикладное искусство понимается как глубинные пласты народной духовной культуры, охватывающей широкий круг явлений – от бытового искусства крестьян до современного проявления творческой инициативы при возрождении центров народных промыслов, лежавших в основе декоративно-прикладного искусства.

В последнее время наблюдается повышение интереса к истории народа, фольклору и духовной культуре. Происходит возвращение к давно забытым традиционным народным искусствам – так в Беларуси возрождают «рябую» и чернолощенную керамику, в России – борисовскую и скопинскую керамику; в обеих странах возрастает интерес к глиняной игрушке, восстанавливают и получают развитие росписи на стекле, расписные ковры – маляванки, бондарство, роспись шкатулок.

Глава 2. Ангел из библиотеки и неучтенное культурное наследие Рачейских Альп (Рачейского бора)

Данная работа является продолжением исследований автора, частично отраженных в докладах: «Фигурные камни Рачейских Альп как специфический элемент местного культурного наследия»³⁸, «Неучтенные природные памятники и некоторые проблемы связанные с их сохранением»³⁹, а также «Некоторые психологические проблемы связанные с выявлением природных и природно-исторических памятников на территории Самарской области»⁴⁰

Случилось так что знакомство автора с территорией Рачейских Альп (само это понятие является простонародным и довольно условным и обозначает территорию, находящуюся в Сызранском районе Самарской области и заключенную в треугольнике сел Смолькино, Старая Рачейка, Троицкое), началось в 1985 году с личного сообщения. В рассказе информатора, пожелавшего остаться анонимным, особо отмечался крайне необычный для Среднего Поволжья ландшафт, там же описывались обрывистые скалы останцы, среди которых порой блуждают летучие огни. Кроме того рассказчик упоминал протяженные системы пещер и глубокие болота, но главное в его повествовании наличествовал древний и давно заброшенный город, не как не отраженный в официальной истории данного края⁴¹.

Тогда у автора наибольший интерес вызвал именно образ древнего и давно заброшенного города, а также описание весьма необычного для Среднего Поволжья ландшафта. Чем собственно был этот рассказ? Личностной фантазией или своеобразным отражением еще не учтенной реальности? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос необходимо напомнить, что современная наука (в том числе и такое ее направление как культурология) предпочитает иметь дело с большим числом однородных

³⁸ Павлович, И.Л. Фигурные камни Рачейских Альп как специфический элемент местного культурного наследия / VI Всерос. науч.-практ. конф. (2018; Самара). Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 2018 г. [Текст] / М-во культуры РФ, СГИК; под ред. С.В. Соловьевой. – Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. – 80-85 с.

³⁹ Павлович, И.Л. Неучтенные природные памятники и некоторые проблемы связанные с их сохранением / Биоэкологическое краеведение: мировые, российские и региональные проблемы: материалы IV международной научно-практической конференции – Самара: ПГСГА, 2015. – 218-230 с.

⁴⁰ Павлович, И.Л. Некоторые психологические проблемы связанные с выявлением природных и природно-исторических памятников на территории Самарской области // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXX междунар. науч.-практ. конф. № 3(70). – Новосибирск: СибАК, 2017., 36-49 с.

⁴¹ X – Ритуал / газета Время X, №50 – 51, - 1994, 4 с.

объектов и желательно многократно повторяющимися явлениями/событиями. В идеале все они должны однозначно воспроизводиться или дублироваться. Редкие единичные объекты, явления, события (например, такие как «антикитерский механизм», шаровые молнии, летуны, «неурочное затемнение неба» и многое тому подобное) сложны для аппарата анализа современной науки, вследствие чего обычно отбраковываются.

Более того, все что наблюдается, но не попадает в выше отмеченную множественную совокупность, либо в лучшем случае просто отбрасывается, либо заносится в область заблуждений, а зачастую без особых раздумий объявляется откровенным обманом или мистификацией.

Еще более трудны в разработке случаи, когда исследователь имеет дело даже не с самим единичным явлением или объектом, а только с сообщением о нем, то есть лишь с его слабым информационным отражением в реальности.

Вместе с тем представляется, что сам принцип разделения на необычное и обыденное, во многом, определяется чисто психологическими особенностями вполне конкретных исследователей, поскольку формируется через соотнесение наблюдаемого с ранее заложенными предвосхищающими схемами.

«Опознание объекта явления – часть интерпретации его образа... Судить о процессах и объектах наблюдаемых неожиданно и кратковременно – по сути дела, то же самое, что пытаться рассмотреть пейзаж сквозь довольно толстое полупрозрачное стекло с нанесенным на нем рисунками. Что в изображении относится к пейзажу, а что к рисункам, ясно отнюдь не всегда»⁴²

В этой связи важно учитывать, что порой только личные интересы человека-исследователя (а с этим работает наука психология), удерживают в поле внимания большую часть единичных сообщений, возможно сумевших зафиксировать уникальные проявления окружающей среды. При этом «очевидец, не желающий рисковать своей репутацией, чаще всего ограничится обсуждением происшествия (с большим «коэффициентом странности») только в кругу своей семьи или с друзьями, либо вовсе промолчит о нем. Иногда с течением времени он может попытаться найти заинтересованных слушателей и поделиться своей информацией... Показательно, что до 90% наблюдений НЛО (вообще необычного «в

⁴² Платов, Ю.В. НЛО и современная наука / Ю.В. Платов, В.В. Рубцов – М.: Наука, 1991, – 82-83 с.

широком смысле») так и остаются неизвестными никому, кроме самих очевидцев и их самого ближайшего окружения»⁴³.

Впрочем, последнее и не удивительно. Еще на рубеже конца XIX начала XX веков европейская научная общественность относилась к подобным народным сообщениям и представлениям, повествующим о необычном/чудесном весьма неодобрительно. Данное отношение емко и точно выражает знаменитое заключение Французской академии наук: «Камни с неба падать не могут. Ибо им неоткуда там взяться...» - сказано крайне образно и выразительно.

Вместе с тем ряд европейских исследователей (и среди них, например, Джон Милль, Пауль Каммерер, Артур Кестлер, Карл Юнг, Андриан Доббс) обратили внимание, что характер проявления редких единичных событий/явлений порой сильно отличается от привычно обыденного и кажется, что они подчиняется совсем другим законам (была даже сделана попытка К.Г. Юнгом ввести в научный оборот такое понятие как синхронистичность ⁴⁴).

На протяжении всего XX века неоднократно фиксировалось формирование во времени весьма протяженных цепочек крайне маловероятных событий, ведущих к весьма неожиданным результатам или открытиям.

Более того порой складывается впечатление, что «некоторые люди притягивают к себе или сосредотачивают вокруг себя события, возможность проявления которых, рассчитывается с помощью математики как исчезающе малая»⁴⁵. В литературе даже появился специальный образ, ответственный за «плетение цепочек маловероятных событий», получивший современное название «ангел из библиотеки».

Ангел из библиотеки – «обозначение неизвестных сил, ответственных за счастливый поворот в судьбе исследователей, в результате которого в их руки в самый нужный момент попадает самая нужная информация»⁴⁶

Очень точно и образно данный термин определил современный российский исследователь М.Д. Бадарин: «Иногда действительно бывает так, что таинственный случай вкладывает тебе в руки

⁴³ Платов, Ю.В. НЛО и современная наука / Ю.В. Платов, В.В. Рубцов – М.: Наука, 1991, - 83 с.

⁴⁴ Шутова, Н.И. Проблема охраны деревенских святынь как объектов природного и историко-культурного наследия / *European Social Journal* 2014, №6 – 3(45), С.385-389

⁴⁵ Бержье, Ж. Тайная война оккультных сил - М.: Крон Пресс, 1998, - 18-19 с

⁴⁶ Хэнкок, Грэм Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. Пер.с англ. – М.: Вече, 1997. -428-429 с.

нужную книгу и открывает ее на нужной странице. Явление это необъяснимое, но хорошо известное практически каждому ученому. Этот таинственный феномен, с легкой руки Грэма Хэнкока и Артура Кестлера, получил название «ангела из библиотеки». А для людей, незнакомых с данным наблюдением, обязан сообщить, что у человека, целеустремленно ищущего нужную информацию, этот ангел постоянно находится за плечами и всегда помогает сделать необыкновенное открытие, мимо которого прошли десятки и сотни исследователей, равнодушным взглядом прочитавшие ту же самую книгу, на которой почти случайно остановился твой взгляд»⁴⁷.

Развитие данной темы было частично отражено в авторской работе «Ангел из библиотеки и самарская легенда о Макаваасах», представленной на XII International scientific and practical conference 2016 Sheffield⁴⁸.

Вместе с тем в истории знакомства автора с неучтенным культурным наследием Рачейских Альп (Рачейского бора) также можно проследить либо неоднократное проявление эффекта синхронистичности, либо непосредственное вмешательство самого «ангела из библиотеки».

В самом начале данных исследований, легко можно было не обратить внимание на явно фантастический рассказ о «месте проведения оккультных ритуалов»⁴⁹ и не тратить весьма ограниченные время/средства в попытке проверить его, просто занявшись чем-то другим, в частности, проверить какой-то другой из многих не менее интересных рассказов.

Даже еще в ходе первой поездки можно было просто не доехать до описываемых мест и подобные случаи в практике краеведческой группы, с которой непосредственно работал автор, неоднократно бывали (например, поездка к кургану «Железный мар» в 2006 году).

Вероятно второй раз «ангел из библиотеки вмешался» когда к исследованиям автора на весьма короткое время присоединился самарский парашютерист Виктор Пылявский. Именно благодаря его материально-техническому обеспечению и увлеченности стала возможна «воздушная разведка» местности. Именно она показала, что исследуемая территория с

⁴⁷ Тайны острова Пасхи [Текст] // авторский сайт Будариан М.Д. [Электронный ресурс] <http://kometa-vozmezdnie.ru/308-angel-iz-biblioteki.html> (дата обращения 22.11.2015 г.)

⁴⁸ Павлович, И.Л. Ангел из библиотеки и самарская легенда о Макаваасах /И.Л. Павлович, Е.В. Буланова // Materials of the XII International scientific and practical conference, «Areas of scientific thought», - 2015/2016. Volume 6. Political science. History. Sheffield. Sciect and education LTD – 104 с. С.91-98

⁴⁹ X – Ритуал / газета Время X, №50 – 51, - 1994, 4с.

воздуха напоминает большую запятую с «головой» на севере и «хвостом» загнутым на юго-восток, а ее основное «тело - возвышенность» чем-то напоминает застывшие каменные волны, разъединенных узкими, но глубокими оврагами. Местность крайне сложна для изучения и способна укрыть множество самых различных объектов, это хорошо видно на рисунке 2.1.

Рисунок 2.1. «Каменный лабиринт», на одном из отрогов Рачейских Альп и исследующие его люди, съемка с воздуха

Вероятно читателям будет интересно указать, что в настоящее время описываемая возвышенность почему-то не имеет собственного административно-географического наименования, что представляется довольно странным, поскольку она несомненно ярко и характерно выражена.

Виктор Пылявский во время своих воздушных полетов на одной из «каменных волн» нашел «странные комнатки», которые при желании можно было соотнести с «киве чул сурт» местных преданий или «забытым древним городом» первичного рассказа, а также фрагмент старой дороги.

Важно отметить, что существование здесь города совершенно не

вписывалось в классическую официальную концепцию истории принятую для данного региона и в настоящее время хоть в какой-то степени отраженную в свободно доступной литературе.

Значительно позже, уже после выхода в свет в 2012 году авторской книги «Легенды Самарского Заречья. По следам неизведанного» (содержащей главу «Урочище или капище Белой лошади») выяснилось, что быличка о существовании в данном районе древнего неизвестного города (некоторое время считавшаяся автором новоделом) может иметь весьма протяженную историю. И тут при желании можно вновь предположить вмешательство «ангела из библиотеки», поскольку просмотреть весь объем не структурированной информации хаотично выложенный сегодня в Интернет по тому или иному вопросу - практически не реально. Но блогер «krumza» напрямую указал автору на записи в «Топографическом описании Симбирского наместничества» сделанные в 1780 году надворным советником Т.Г. Масленицким и в настоящее время хранящиеся в Ульяновском областном архиве⁵⁰. Вот отрывок из этого описания: "У одного из сих жительство чувашенина деревни Молячкиной находится на российском языке манускрипт, будто есаул Иванко, по взятии Казани отправленный для удержания границ России, со своим начальником и войсками при Черемоховских горах сей округи и при Большом Едамасском лесу (более точно в Описании сказано: «Едамасский большой лес, от деревни Смолькинской в 4 верстах»⁵¹) построил каменной город, соорудя тамо ж и разные каменные здания, где как он, Иванко, так [русна?] его Марья по смерти со всем своим богатством погребены. Имя онаго есаула и надгробныя украшения, если точно оныя, как манускрипт уверяет, существовали, из изображенных на камнях фигур солнца и луны доказывают, что Иванко и жена его были из чуваш, ибо они обыкновенно как сими именами называются, так и вещества оныя обожают..."⁵².

Уже первая поездка автора в 1987 году в выше описанный район доказала реальность существования многих составляющих анонимного

⁵⁰ Масленицкий, Т.Г надворный советник «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. [Текст] стр. 68-69 / [электронный ресурс] http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestni_chestva._1780_g.pdf (дата обращения 04.07.2014 г.)

⁵¹ Масленицкий, Т.Г надворный советник «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. [Текст] стр. 68-69 / [электронный ресурс] http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestni_chestva._1780_g.pdf (дата обращения 04.07.2014 г.)

⁵² Масленицкий, Т.Г надворный советник «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. [Текст] стр. 68-69 / [электронный ресурс] http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestni_chestva._1780_g.pdf (дата обращения 04.07.2014 г.)

первичного сообщения. С годами работы здесь выявился дополнительный набор самых различных ценностей, непосредственно проецируемых на данную территорию и соответственно в совокупности образующих ее информационно-коммуникационное отражение.

Данная территория, несомненно, оказалась интересна с точки зрения самых различных наук – геологии, биологии, истории, культорологии и т.д.

Более того уже на месте выяснилось, что с данной территорией связано весьма специфическое культурное наследие. Оно теснейшим образом увязывается с местными фигурными камнями, выраженными как элементы скал или отдельными камнями валунами (конкрециями). Природа их происхождения до настоящего времени неясна⁵³.

Несмотря на то, что данная территория была объявлена (или планировалась к объявлению и приданию соответствующего статуса) природным памятником еще в годы существования СССР, но как в регионе, так и за его пределами она была известна довольно мало.

«Местные жители называют эту местность «Рачейские Альпы» и она вполне заслужено, определена как памятник природы... Основной достопримечательностью окрестностей села Смолькино являются останцы и глыбы песчаников, образующие природный парк скульптур, валунов и лабиринтов... Размеры валунов от одного до десятков метров в диаметре. В основном они имеют сглаженные, обтекаемые или скругленные формы... За свои очертания многие природные скульптуры у местных жителей и туристов получили имена и названия: Мыслитель, Ладья, Каменный конь, Воин, Черепаха, Бегемот, Рачейский Сфинкс (рисунок 2.2)»⁵⁴

⁵³ Варенов, Д.В. Останцы верховий реки Усы и история их формирования (Природные скульптуры – валуны) / Д.В. Варенов, К.Н. Сименко, Т.В. Оробинская // Краеведческие записки. Выпуск XIII, Самара 2004. – 146 с.

⁵⁴ Варенов, Д.В. Останцы верховий реки Усы и история их формирования (Природные скульптуры – валуны) / Д.В. Варенов, К.Н. Сименко, Т.В. Оробинская // Краеведческие записки. Выпуск XIII, Самара 2004. – 146 с.

Рисунок 2.2. Скала Рачейский Сфинкс и «восторженные» туристы для оценки масштаба около него, 2015 год

Не вступая в дискуссию по поводу того насколько контуры тех или иных останцев сформировались под действие стихийных сил природы, а насколько на местные скалы целенаправленно воздействовали люди (это тема отдельного исследования), автор считает нужным напомнить, что в данном районе имеется/имелось довольно много камней несомненно обработанных человеком и их можно разделить на две условные группы.

Первая – камни, которые классифицируют как жернова или вырубленные заготовки необходимые для последующего получения жерновов.

Вместе с тем следует отметить, что каменоломно-камнетесный промысел в этих местах заглох и был забыт как-то резко и сразу. Хотя до самого последнего времени в окрестных лесах еще сохранялись заброшенные заготовки жерновов с разной степенью обработки, иные «фигурные камни», а также различные брошенные инструменты. В какой-то степени это напоминает картину брошенных заготовок, инструментов и даже почти готовых истуканов, зафиксированную первыми европейцами на далеком острове Пасхи.

Вторая группа - это камни конкреции, чья поверхность в меньшей или большей степени была подвергнута целенаправленной обработке. И среди них особняком стоит камень называемый местными «Бабай-тюале» (рисунок 2.3).

Рисунок 2.3. Коллаж историк-краевед Олег Ратник (справа) и журналист Михаил Кроз (слева) у камня «Бабай-тюале», 2007 год. Угловые вставки - увеличенные фрагменты вершины «Бабай-тюале» (справа) и камень у деревни Кзил-Чишма (слева).

В свое время историк-краевед О.В. Ратник был склонен считать, что данный камень изначально являлся то ли чувашским, то ли татарским, то ли хазарским могильным надгробием⁵⁵. Эту версию подтверждают и некоторые местные жители, например, Галина Журлова. Она пишет: «Когда-то здесь было татарское поселение (впервые оно упоминается в 1733 году), следы которого остались в виде кладбища на ближайшем бугре. Но его опустошила эпидемия холеры и оно было сожжено...»⁵⁶

Важно отметить, что непосредственно на местности данное кладбище к настоящему времени - не обнаружено и известно лишь из рассказов.

Вероятным аналогом выше описанного камня «Бабай-тюале»

⁵⁵ Павлович, И.Л., Ратник, О.В. Региональное краеведение и неучтенное культурное наследие / И.Л. Павлович, О.В. Ратник // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. – 324 с.

⁵⁶ Журлова, Галина Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка - Сызрань, 2004, - 50 с.

является камень, находящийся ныне на территории Чувашии вблизи деревни Кзил-Чишма. Здесь он словно отмечает водораздел двух притоков реки Свияга - рек Карла и Була⁵⁷. Но об этом камне, а также о нанесенных на его поверхность изображениях автору сегодня известно довольно мало.

Само название камня «Бабай-тюале» местные жители трактуют как «дед камень» или «камень предков»⁵⁸, где «тюале» - камень. Вместе с тем это не классическое чувашское название камня - «чул», не мордовское – «кев» и не татарское – «таш». Вместе с тем известно, что слово/имя «Бабай» или «бабайка» довольно часто употребляется в татарском, а иногда и в русском языке в значении «злой ночной дух или древний старик которым пугают непослушных детей».

Вот что представляет собой камень «Бабай-тюале». Его размер: длина – 150 см, ширина – 40 см, толщина – 35 см. Визуально камень как бы делится полустертой/заглаженной каменной полочкой на две части. Она вероятнее всего некогда предназначалась для установки ритуально-памятных подношений. Верх камня заострен. Его лицевая часть выровнена достаточно хорошо и на нее нанесено изображение, условно называемое исследователями «таблица».

В «таблице» можно различить целую совокупность солярных знаков и геометрических фигур в виде треугольников, параллельных линий, черточек организующих геометрически сложное пространство. Совокупная площадь «таблицы» - высота 70 см, ширина – 38 см.

Во всю площадь данной таблицы вписан достаточно хорошо просматриваемый шестиугольник. Хорошо видна его верхняя часть в виде треугольника. Особенно хорошо различим равнобедренный треугольник, по углам которого расположены солярные знаки – круги с точкой по центру и отходящими от нее линиями, делящими солярный круг на почти равные сектора. Нижняя часть шестиугольника сохранилась хуже. Она становится видна лишь при смачивании изображения водой и ее оформление практически идентично верхней части. Можно предположить, что солярные знаки в треугольниках символизируют положение солнца на восходе, в зените и на закате, что можно истолковать как символическое описание жизненного пути человека: рождение – зрелость – уход.

⁵⁷ Древние надгробные камни Чувашии [электронный ресурс] <http://simbir-archeo.narod.ru/Russian/18vek/camenu.htm> (дата обращения 03.09.2014 г.)

⁵⁸ Павлович, И.Л., Ратник, О.В. Региональное краеведение и неучтенное культурное наследие / И.Л. Павлович, О.В. Ратник // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. – 324 с.

Треугольники вписанные между параллельными прямыми обращены остриями вниз и могут интерпретироваться как небесный свод с тучами и косыми линиями идущего дождя, питающий животворную землю.

Впервые камень «Бабай-тюале» автор, а также участвовавшие в этой поездке к.ф.-м.н. Д.Ф. Китаев, корреспондент М.Н. Кроз и Г.П. Смородина увидели еще в июле 2000 года. Тогда он лежал на краю поля практически напротив дома местного лесника И.А. Иванова, который и рассказал автору первые истории, связанные с этим камнем.

(В какой-то степени именно в проявлении благосклонности лесника, можно усмотреть очередное проявление вмешательства «ангела из библиотеки», в частности выразившееся в демонстрации им пути к особому культовому камню Йубеиде-тюале. Последующие неоднократные попытки автора вновь самостоятельно выйти к этому камню успехом не увенчались.)

Когда камень «Бабай-тюале» очистили от грязи, смочили водой (для увеличения контрастности изображения) к.ф.-м.н. Д.Ф. Китаев сделал первую его фотосъемку и попытался интерпретировать некоторые знаки, некогда нанесенные «мастерами» на его поверхность.

Следует указать, что на место своего нынешнего стояния камень «Бабай-тюале» был установлен летом 2007 года самарским фотографом-краеведом парапланеристом Виктором Пылявским, воспользовавшегося помощью друзей (установка осуществлялась при непосредственном участии и консультациях историка О.В. Ратника).

По рассказам местных жителей услышанных автором в период с 2000 по 2010 годы, а также позже дополненных самарским краеведом-блоггером О.А. Ракшином в 2012-2014 годах: «До того момента, когда «Бабай-тюале» был опрокинут, климат в районе Смолькино был несколько иной - более влажный, достаточно часто шли теплые дожди. Жители могли выращивать теплолюбивые и влаголюбивые культуры. После того, как камень «уронили», стало более засушливо, более жарко, в результате от многих культур, в том числе и от арбузов, пришлось отказаться...

Если стоять на поле перед «Бабай-тюалле», то за спиной будет урочище Гремячий и река Уса, в которой ещё пятьдесят лет тому назад водилась царская рыба — форель. Кстати, свою деревню смолькинцы называют по-чувашски Асапус, то есть «исток Усы». А почему урочище называется Гремячий? Говорят, что если прислушаться, то в этом районе можно услышать какой-то подземный рокот. Но Гремячий - это современное название. Местные жители называют урочище «кереметь». Кереметь – место, огороженное частоколом, в котором обитает одно из главных божеств чувашей –

Кереметь. По силе, говорят чуваши, оно равно Верховному Богу - Тёра. И территория Керемети выбирается не случайно. Здесь должна быть гора, сосновый лес и водный источник, а также камни причудливой формы. Всё, как в нашем случае. По правилам, Кереметь размещали в трех километрах от населенного пункта. И возможно, камень «Бабай-тюалле» - это знак на межевой черте, между Кереметью и селом Смолькино, за которую непосвященным заходить не желательно»⁵⁹

Вместе с тем хочется напомнить, что даже последние четверть века этот камень неоднократно перемещался с места на место⁶⁰

Теперь о жерновах. По мнению автора, местные камни - жернова (рисунок 2.4) и их заготовки – заслуживают отдельного исследования, поскольку образующие их породы удивительно хрупки и не могут выдержать серьезной физической нагрузки. Возможно, что эти камни вовсе не прозаические жернова для мельниц, а что-то другое. И можно предположить, что вероятно для местного населения в древности они были чем-то большим, чем простое сельскохозяйственное орудие, возможно даже элементом какого-то ныне позабытого культа. В пользу последнего свидетельствует рассказ уже ранее упоминавшейся Галины Журловой: «У алтаря, возле места старого престола, положен большой жерновой камень, бывший прежде под основанием старого храма (у южной стороны алтаря)»⁶¹

Более того, еще в начале 90-х годов XX столетия автор обратил внимание, что на территории Самарской Луке сохранилось предание еще об одном чудесном камне-жернове, именуемом местными камнем Аусина/Авсеня (позже этот камень был даже обнаружен, но это тема отдельного рассказа).

⁵⁹ Ратник, О.В. Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке // Материалы конференции «Человек и общество в условиях войн и революции» – Самара: Самар.гос.техн.ун-т, 2015. – 59-63 с.

⁶⁰ Бобровская, Е.В. Культ камня в верованиях чувашей села Смолькино / науч. рук. В.Н. Полякова // Зимний школьный марафон : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. школьников (Чебоксары, 28 февр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 70-78. – ISBN 978-5-6040732-8-5. doi:10.21661/r-469033

⁶¹ Журлова, Галина Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка - Сызрань, 2004, - 11 с.

Рисунок 2.4. Краеведы-исследователи, Олег Ратник (слева) и автор Игорь Павлович (справа) у «забытого жернова», в старых горных выработках Рачейских Альп, 2004 г.

Вероятно еще больший интерес, чем описанные выше жернова, представляют подвергнутые обработке камни конкреции. Скорее всего, до сравнительно недавнего времени их максимальное сосредоточение наблюдалась в урочище ныне известном как урочище «Белая лошадь» (поляна в 2,5 км к западу от села Смолькино в Сызранском районе Самарской области, рисунок 2.5)⁶²).

Эти камни местным жителям были известны довольно давно. Более того многие из них, даже пользовались «услугами» капища для достижения вполне практических целей⁶³. Интересно, что при желании и знании того что искать, отрывочные упоминания о «фигурных камнях» можно было найти еще в краеведческой литературе середины XX века.

Откуда взялись эти фигурные камни? По мнению председателя самарской спелеологической комиссии М. П. Бортников: «Горные выработки в этом районе строились специально для каких-то культовых целей... Здесь искали конкреции сливных песчаников – обтекаемые монолиты весьма причудливых форм, необходимые для совершения

⁶² Павлович, И.Л. Легенды самарского заречья. По следам неизведанного / И.Л. Павлович, О.А. Ракшин – ООО «Книга», Самара 2012 – 168 с., С. 117-134

⁶³ Ратник, О.В. Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке // Материалы конференции «Человек и общество в условиях войн и революции» – Самара: Самар.гос.техн.ун-т, 2015. – 59-63 с.

языческих обрядов»⁶⁴.

Следует указать, что несмотря на отдельные весьма интересные находки подземных объектов, сделанных в этих местах, особого энтузиазма к своему изучению они почему-то не вызывают. Во многом тут преобладает негатив, так например, летом 2014 года при непрофессиональных раскопках одной из пещер в истоках реки Уса произошло существенное обрушение склона⁶⁵, вследствие чего едва не повторилась трагедия Сокских штолен 1999 года, непосредственно связанная с массовой гибелью людей.

Рисунок 2.5. Коллаж. Общий вид центральной поляны урочища «Белая лошадь» и по краям увеличенные изображения отдельных фигурных камней, 2007 год.

Отдельные фрагменты истории исследования этих мест, а главное предполагаемого капища, представлены в статье историка-краеведа О.В. Ратника «Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке»⁶⁶, вследствие чего стоит перейти к тем объектам, что долгие годы находились в этом месте.

Перейти к тому, что безусловно можно назвать «трагедия капища

⁶⁴ Шабалина, И. Горы, сосны и глас веков // Самарские известия №99 (6288) от 08.06.2012, электронная версия [Текст] <http://samarskieizvestia.ru/document/13976> (дата обращения 22.02.2018 г)

⁶⁵ Павлович, И.Л. Неучтенные природные памятники и некоторые проблемы связанные с их сохранением / БИОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: мировые, российские и региональные проблемы: материалы IV международной научно-практической конференции - Самара: ПГСГА, 2015. – 400 с.

⁶⁶ Ратник, О.В. Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке // Материалы конференции «Человек и общество в условиях войн и революции» – Самара: Самар.гос.техн.ун-т, 2015. – 59-63 с.

Белая лошадь». Это действительно трагедия и пример того, как люди сами уничтожают своё культурное наследие, долгое время лишь чудом сохранившееся в глубине заповедного леса.

Вместе с тем как показывает анализ литературы проблема охраны деревенских святилищ как объектов природного и историко-культурного наследия в настоящее время стоит очень остро⁶⁷.

Исследования, которые автор в своё время проводил в этом месте, а так материал анализа собранной информации, в своё время проведенный к.т.н. С.А. Самаровым и к.ф-м.н Д.Ф. Китаевым, позволяют считать эту совокупность камней самым настоящим астро-инженерным комплексом древних. К сожалению, комплекс сегодня варварски разорён вследствие совершенно бездумной работы одной из областных тележурналисток.

В погоне за сенсацией она честно по два раза заработала свои тридцать серебряников, всего шестьдесят, возможно и больше. Сначала устроила репортаж-шоу с места капища, привлекая местных жителей для рассказов и своеобразной рекламы, а потом, узнав, что кто-то вывез все камни капища, опять выступала по телеканалу НТВ с сообщением о случившемся⁶⁸. Милиция отказалась заниматься этим делом, так как комплекс камней нигде на учёте не состоял. Всё как положено – одни деньги зарабатывают, а другие...да что там говорить. Если сделано плохое, то и получается плохо, просто отвратительно. Жаль...

Более того конкреции продолжают самым активным образом варварски вывозить из этих мест и в настоящее время.

Этот комплекс камней был действительно очень интересным. Его центром был камень, внешне напоминающий лежащего на брюхе коня.

Местные бабушки называли его «Смале». На его левой стороне боку (северо-восточная сторона коня рисунок 2.6) были прорезаны контуры седла, стремени, уздечки, заплетенной гривы – все очень четко и красиво.

⁶⁷ Шутова, Н.И. Проблема охраны деревенских святилищ как объектов природного и историко-культурного наследия / European Social Journal 2014, №6 – 3(45), С.385-389

⁶⁸ Украли идолов. В чувашском селе осквернена языческая святыня / Областной аналитический еженедельник «Хронограф» [Текст] <http://chronograf.ru/articles/?num=143&a=3193> (дата обращения 22.02.2018 г)

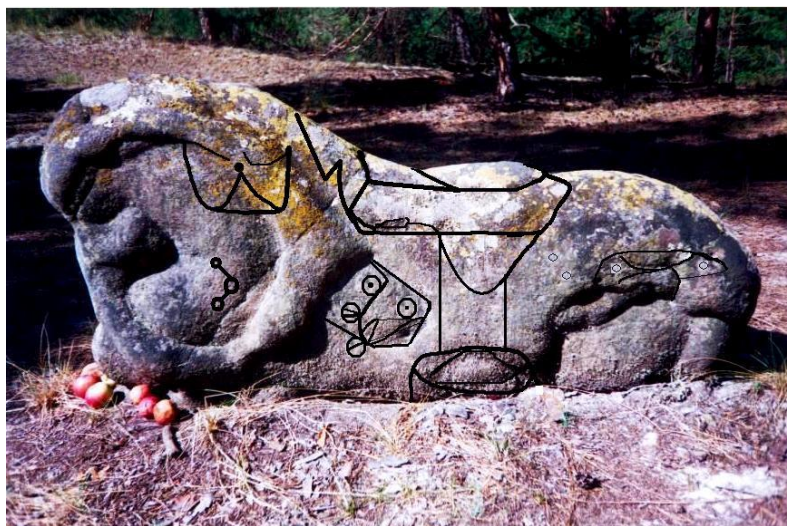

Рисунок 2.6. Северо-восточная сторона коня Смале, с контрастной прорисовкой символов сделанной историком О.В. Ратником, 2000 год.

Можно было даже разобрать, что это именно конь - у его задней ноги был прочерчен фаллос. Этот камень несомненный памятник становления скотоводческой культуры. Противоположный бок камня (юго-западная сторона рисунок 2.7) был гладкий и выпуклый.

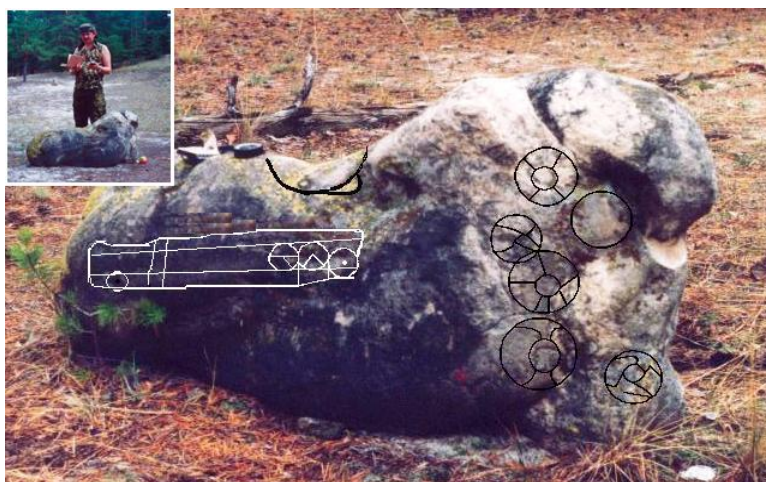

Рисунок 2.7. Юго-западная сторона коня Смале, с контрастной прорисовкой символов сделанной О.В. Ратником, 2000 год. На вставке слева в углу запечатлен исследователь И.Л. Павлович.

На юго-западной стороне была четко прорезана прямоугольная таблица, с тремя прочерченными строками и делением на квадраты.

В некоторые из них были вписаны соляные знаками. На шее коня

также было вырезано ожерелье в виде сцепки солярных знаков. Очевидно, что и таблица и ожерелье были как-то связаны между собой, но какую информацию они несли и что сообщали - теперь уже узнать нельзя.

Камни, расположенные вокруг коня Смале (местные почему-то называли их «лягушки»), были, скорее всего, расположены по определенной схеме, что позволяло проводить астрономические сезонные наблюдения: уточнять наступление времен года, время посева и т.д. Некоторые уникальные фотографии этих ныне утраченных камней приведены в книге Игоря Павловича и Олега Ракшина «Легенды самарского заречья. По следам неизведанного»⁶⁹.

Но самое интересное в местных легендах это рассказ о том, что если «Белую лошадь» полить водой и помыть, то обязательно пойдет дождь.

Местные жители рассказывали, что ещё в 70-80-е годы XX века, когда летом была засуха, директор совхоза приказывал выдавать женщинам мыло, полотенца, ведра и отправлял их мыть этот камень. Через некоторое время всегда начинался дождь. И не было случая чтобы это не сработало⁷⁰.

В ходе ритуала вызывания дождя Белой лошади надо было сделать подношение в виде живых продуктов – яйца куриные, рыба и т.д. Потом со специальным приговором, обильно поливая водой, её обмыть...

Автор статьи сам не раз в различные годы участвовал в проведении этого ритуала и всегда получалось - начинался дождь.

Следует отметить: местные жители давно и хорошо знали специфику и особенности окружающего ландшафта и, вероятно, издревле использовали ее/их в своих целях, правда облакая все это в религиозно-мистическую форму, впрочем, в полном соответствии с уровнем развития культуры того времени. Автор буквально чудом захватил фрагмент этого неучтенного культурного наследия, и потом оно безвозвратно ушло в небытие, оставшись лишь в памяти исследователей и фотографиях. В ходе поездки 2000 года поляна и все находившиеся на ней конкреции были сфотографированы. Сама поляна и ее ближайшие окрестности были запечатлены на профессиональную видеокамеру.

Следует отметить, что разрушение капища «Белой лошади», в определенной степени привело к аннулированию ранее существовавших

⁶⁹ Павлович, И.Л. Легенды самарского заречья. По следам неизведанного / И.Л. Павлович, О.А. Ракшин – ООО «Книга», Самара 2012 – 168 с., С. 117-134

⁷⁰ Шабалина, И. Горы, сосны и глас веков // Самарские известия №99 (6288) от 08.06.2012, электронная версия [Текст] <http://samarskieizvestia.ru/document/13976> (дата обращения 22.02.2018 г)

договоренностей о нераспространении довольно большого массива информации касавшегося данной территории.

В частности автору хочется сообщить, что загадка данного урочища вовсе не сводилась только к восприятию совокупной группы фигурных камней.

Еще в 2006 году на поляне исследователями были обнаружены «объекты», позже получившие название «гнезда-закладки». Внешне они представляли собой совокупность небольших камней, сложенных в каком-то подобии «гнезда», помещаемого либо под стволами упавших деревьев, либо в обнажившихся корнях одного из еще растущих по склонам холма деревьев.

Если задуматься насколько хорошо были сделаны эти «закладки/гнезда», то возникает двоякое ощущение. С одной стороны, они в глаза не бросались, пройдешь – не заметишь. С другой, начнешь внимательно приглядываться, да в каждую ямку заглядывать то непременно обнаружишь.

И тогда получается, что это вовсе не какие-то тайники и не схроны, а что-то совсем другое. Например, своеобразное послание/подношение...

В частности в одной из таких «закладок» был найден односторонне просвечивающий диск диаметром около двадцати сантиметров и толщиной в пол сантиметра. Подобные магнитные диски, кажется, применялись в первых советских ЭВМ. Но что один из них мог делать на «поляне камней»? Нашедший его Виктор Пылявский выдвинул предположение, что диск служил для наблюдения солнечного затмения, проводившемся кем-то именно на этом месте. А затем он был заботливо оставлен на поляне до следующего раза...

Сегодня автору подобная версия не кажется убедительной.

Найденный диск был в хорошем состоянии, без изломов, потертостей, деформаций или сколов. На взгляд автора это свидетельствовало о том, что скорее всего диск тут находился сравнительно недолго. Впрочем, не являясь специалистами по данным материалам, а также учитывая «специфику» места его «заложения» – однозначно здесь нечего утверждать нельзя.

Еще одна находка на поляне – значительного количества «фрагментов» различной величины «хрустального стекла». Предположительно это были останки лопнувшего зимой хрустального сосуда или чего-то аналогичного...

Другая находка - небольшой каменный сосуд (он представлен на рисунке 2.8). Внутри него находилась плотно набитая растительная труха. Возможно, что когда-то в этом сосуде хранились ритуальные травы.

Рисунок 2.8. Каменный сосуд, найденный на поляне фигурных камней урочища «Белая лошадь» 2008 год

Поскольку автор всегда был и остается категорическим противником любых физических контактов с подобными объектами (смотреть – смотри, фотографировать – сколько угодно) то к моменту его отбытия с поляны в 2008 году, все эти «закладки» оставались в первозданном виде. Какова их судьба сегодня – он к сожалению не знает.

...

Важно отметить, что все попытки, вывести в этот район и произвести профессиональную оценку обнаруженных объектов, представителей профессионального историко-археологического сообщества как столичных, так и региональных, успехом не увенчались. Ехать на местность специалисты дружно отказывались, впрочем, также как и работать с накопленным фото-видео материалами. Главная мотивация отказов – большая занятость специалистов и не включение этих объектов в планы их текущей работы.

Более того, за период с 2000 по практически конец 2018 года автор не встретил в СМИ или Интернете достаточно проработанных статей посвященных фигурным камням Рачейского бора. Единственным исключением в этом плане, пожалуй, стал доклад Е.В. Бобровской,

представленный на V международной научно-практической конференции школьников Чебоксары 2018⁷¹.

Именно в этом докладе говорится об исключительной уникальности почитания камней именно жителями села Смолькино, что косвенным образом может рассматриваться в пользу активной помощи «ангела из библиотеки», целенаправленно работающего с информацией.

Более того, по мнению автора, именно здесь местная культурная специфичность задается двумя разнонаправленными составляющими. Первая – сложная совокупность носителей/хранителей местного культурного наследия. В обычных случаях в этой роли главным образом преобладает местное население. Здесь же данная группа исключительно мала (да и практически утратила представление о своей местной истории), но к нему добавляются жители ряда крупных соседних городов. И вот все они совокупно начинают транслировать альтернативу, перекликающуюся со второй составляющей – неучтенными страницами истории. Так передаются, например, представления о других существах обитающих и вместе с человеком действующих на данной территории – Йубейде (Упете/Убте), Патавка-бусь (Салтар укре, Эй-вся), используется сюжет о киве чул сурт (старом каменном городе) или особых чудотворных родниках пиве салкус и т.д.

От всей этой альтернативы можно было бы просто отмахнуться, списать все на местные фантазии и старые сказки. Но в данном месте, как уже отмечалось выше альтернатива «подкрепляется» наличием большого числа учтенных и не учтенных природных памятников, а также выявлением ранее не учтенных страниц местной истории (например, недавнее открытие целой системы штолен и каменоломен⁷², а также восстановление фрагмента истории капища Белой лошади⁷³), но главное наличием в этих местах большого числа фигурных камней, сосредоточенных в определенных местах⁷⁴.

⁷¹ Бобровская, Е.В. Культ камня в верованиях чувашей села Смолькино / науч. рук. В.Н. Полякова // Зимний школьный марафон : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. школьников (Чебоксары, 28 февр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 70-78. – ISBN 978-5-6040732-8-5. doi:10.21661/r-469033

⁷² Шабалина, И. Горы, сосны и глас веков // Самарские известия №99 (6288) от 08.06.2012, электронная версия [Текст] <http://samarskieizvestia.ru/document/13976> (дата обращения 22.02.2018 г)

⁷³ Ратник, О.В. Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке // Материалы конференции «Человек и общество в условиях войн и революции» – Самара: Самар.гос.техн.ун-т, 2015. – 59-63 с.

⁷⁴ Павлович, И.Л., Ратник, О.В. Региональное краеведение и неучтенное культурное наследие / И.Л. Павлович, О.В. Ратник // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. – 59-67 с.

В ходе исследования данного района автор установил, что в начале XXI века интерес местных жителей к фигурным камням имел резко выраженный возрастной характер. Складывалось впечатление, что всю последнюю треть века места, где они были сосредоточены (так называемые капище) посещались редко, а сами камни если и изучались, то лишь силами отдельных энтузиастов, практически не обменивавшихся информацией между собой⁷⁵.

После «исчезновения» фигурных камней с поляны капища, изучать что либо в данном урочище стало весьма затруднительно. Более того интересно отметить, что очень быстро у местных жителей практически утратилась память об этих камнях. Вместе с тем фигурные камни и другие артефакты продолжают самым активным образом вывозить из этих мест и в настоящее время.

Самарский парашютист фото-краевед В.Я. Пылявский, много времени уделявший изучению данного района и посетивший его самые труднодоступные уголки, неоднократно сообщал автору, что в период с 2012 по 2014 годы часто наблюдал вывоз фигурных камней и даже активную «порчу» (выразившуюся в различных формах) наиболее интересных скал.

Также важно отметить, что приезжие горожане, мало знакомые с местной историей и этнографией, более того «разогреты» СМИ, своей массовостью и напором в значительной степени трансформировали, а во многом и уничтожили местный самобытный фольклор. При этом печально, что сами «охотники за необычным» обычно возвращаются домой сильно разочарованными. Ничего интересного они не услышали и не увидели, просто зря прокатились. Что вполне закономерно. Ведь они просто не знали – как и кого спрашивать, а также на что смотреть.

Данную реакцию разочарования приезжих, а также «замыкание в себе», а порой даже и отказ местных жителей от своих первоначальных рассказов/сообщений авторы, подробно обсуждали в ходе личной переписки с одним из ведущих российских фольклористов д.ф.н. А.А. Панченко (г. Санкт-Петербург «Институт русской литературы»). Последний, также не видит здесь ничего необычного, находя вполне классической реакцией «аборигенов» на внешнее информационное давление представителей более массовой культуры.

⁷⁵ Бобровская, Е.В. Культ камня в верованиях чувашей села Смолькино / науч. рук. В.Н. Полякова // Зимний школьный марафон : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. школьников (Чебоксары, 28 февр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 70-78. – ISBN 978-5-6040732-8-5. doi:10.21661/r-469033

Вот что он написал автору в одном из писем: «Во-первых, многие люди, живущие в России, испытывают (зачастую - не без оснований) повышенную тревогу, сталкиваясь с "приезжими" (в том числе и с фольклористами). Если при первом интервью такой человек ведет себя более открыто и ведет беседу более спонтанно, то повторный опрос на ту же тему вызывает у него тревогу, он не может до конца понять, почему к нему привлечено столь пристальное внимание и зачем его просят рассказать заново то, что он уже однажды рассказывал... Во-вторых, многое зависит от того, как интервьюер распорядился информацией, полученной в ходе опроса. Если он тем или иным образом привлек к информанту излишнее общественное внимание (скажем, материалы опроса были опубликованы в СМИ), вполне естественно, что последний будет негативно относиться к последующим опросам и интервью».

Вместе с тем уже после пропажи большого числа фигурных камней интерес к ним в регионе парадоксально усилился. Так областные «специалисты-краеведы» задним числом даже включили их в Энциклопедию Самарской Губернии (рубрика «Каменная лошадь»). Кинокомпания ООО «Медиа Корпорация Русь ТВ» Самара по заказу ГБУ СО ТРК «Губерния» в сентябре 2012 года сняла фильм «О чем молчат камни» посвященный фигурным и культовым камням Поволжья.

Два года спустя после пропажи камней, еще сохранявшиеся особенности поляны ритуальных камней, а также другие не менее интересные места скрыли августовские пожары 2010 года, но выраженная через культурное наследие память об этих объектах еще сохраняется.

Более того здесь открываются все новые и новые потенциально интересные объекты, например спирали из камней рисунок 2.9. К сожалению их происхождение не ясно и многие исследователи считают их откровенным новоделом, списывая на «активную имитацию культовых мест, осуществляемую отдельными местными жителями».⁷⁶

⁷⁶ Бобровская, Е.В. Культ камня в верованиях чувашей села Смолькино / науч. рук. В.Н. Полякова // Зимний школьный марафон : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. школьников (Чебоксары, 28 февр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 70-78. – ISBN 978-5-6040732-8-5. doi:10.21661/r-469033

Рисунок 2.9. Каменные спирали Рачейских Альп – неучтенное культурное наследие или современный новодел, и их современные исследователи

Выше приведенная история – яркий пример как с «подачи ангела из библиотеки» на весьма короткое время элемент неучтенного культурного наследия быличка «материализовалась» в капище «Белой лошади» и ряде других объектов, а потом все это вновь ушло в духовную сферу. Накопленный уникальный этнографический материал остался лишь в коллекции частных лиц, под потенциальной угрозой полного исчезновения.

Заключение

Монография «Культура, искусство и творчество: история, современные направления развития и достижения» разработана на основе результатов научных исследований авторов.

Результаты выполненных исследований показали актуальность и своевременность для российской науки и образования рассматриваемых вопросов в области исторического и современного развития культуры и искусства.

В работе значительное внимание уделено вопросам, связанным с исторической периодизацией декоративно-прикладного искусства на территории Беларуси и России, а также вопросам неучтенного культурного наследия (в частности, фигурных камней) Рачейских Альп.

В целом, работа отражает научные взгляды на современное состояние и историческое развитие культуры, искусства и творчества. Она представляет интерес как для специалистов в области проведения научных исследований, так и специалистов-практиков.

Библиографический список

1. Бержье, Ж. Тайная война оккультных сил - М.: Крон Пресс, 1998, - 138 с
2. Бобровская, Е.В. Культ камня в верованиях чувашей села Смолькино / науч. рук. В.Н. Полякова // Зимний школьный марафон : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. школьников (Чебоксары, 28 февр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 70-78. – ISBN 978-5-6040732-8-5. doi:10.21661/r-469033
3. Богуславская, В.Н. Вопросы, изучающие народное искусство / В.Н. Богуславская // Декоративное искусство СССР 1974. – № 6. – С. 36 – 37
4. Вагнер, Г.К. Проблемы жанра и древнерусское искусство / Г.К. Вагнер. – М.: 1974. – 126 с.
5. Варенов, Д.В. Останцы верховий реки Усы и история их формирования (Природные скульптуры – валуны) / Д.В. Варенов, К.Н. Сименко, Т.В. Оробинская // Краеведческие записки. Выпуск XIII, Самара 2004. – 240 с.
6. Гаевская, Н.В. Абашевская игрушка / Н.В. Гаевская // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 2. – С. 7 – 10.
7. Гаевская, Н.В. Каргопольская игрушка / Н.В. Гаевская // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 3. – С. 9 – 12.
8. Гаевская, Н.В., Иорданский, А. Л. Филимоновская игрушка / Н.В. Гаевская, А.Л. Иорданский // Декоративно-прикладное искусство 2001. – № 5. – С. 12 – 14.
9. Гарибова, Т.Л. Волшебный мир народной скульптуры / Т.Л. Гарибова. – Воронеж, Центр. – Черноземное кн. изд-во, 1977. – 80 с.
10. Грынблат, М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы у Беларусі; XIX–пачатку XX ст. / М.Я. Грынблат. – Весці АН БССР, сер. грамад. навук, 1957, № 2. – С. 55 – 57.
11. Дайн, Г.Л. Об искусстве игрушки / Г.Л. Дайн // Советское декоративное искусство 1982. – № 5. – С. 129 – 136.
12. Дайн, Г.Л. Русская игрушка. Альбом / Г.Л. Дайн. – М.: «Сов. Россия», 1987. – 195 с., ил.
13. Дайн, Г.Л. Русская народная игрушка / Г.Л. Дайн. – М.: 1981. – 192 с., ил.
14. Данкевич, Е.В., Жакова, О.В. Знакомьтесь: глина / Е.В. Данкевич, О.В. Жакова. – СПб.: КРИСТАЛЛ, 1998. – 272 с.

15. Древние надгробные камни Чувашии [электронный ресурс] <http://simbir-archeo.narod.ru/Russian/18vek/cameny.htm> (дата обращения 03.09.2014 г.)
16. Журлова, Галина Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка - Сызрань, 2004, - 276 с.
17. Живая вера. Ветка / сост.: Г.Г. Нечаева, О.Д. Баженова. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2012. – 470 с.
18. Жиров, М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Учеб. пособие / М.С. Жиров. – Белгород, 2000. – 266 с.
19. Жук, В.И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII – XX вв.: становление и тенденции развития / В.И. Жук. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 319 с
20. Ковалевская, Н. Тавологская глиняная игрушка / Н. Ковалевская. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
21. Масленицкий, Т.Г надворный советник «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. [Текст] стр. 68-69 / [электронный ресурс] http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf (дата обращения 04.07.2014 г.)
22. Миненко, Л.В. Историческая динамика и трансформация декоративно-прикладного искусства России в современных условиях: XVIII–XX вв. – 24.00.01. – Кемерово, 2004. – 186 с.
23. Основы художественного ремесла: Практик. пособие для руководителей школ. кружков./ Под ред. В.А. Барадулина. – М.: Просвещение, 1979. – 320 с., ил.
24. Павлович, И.Л. Неучтенные природные памятники и некоторые проблемы связанные с их сохранением / Биоэкологическое краеведение: мировые, российские и региональные проблемы: материалы IV международной научно-практической конференции - Самара: ПГСГА, 2015. – 400 с.
25. Павлович, И.Л. Некоторые психологические проблемы связанные с выявлением природных и природно-исторических памятников на территории Самарской области // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXX междунар. науч.-практ. конф. № 3(70). – Новосибирск: СибАК, 2017.
26. Павлович, И.Л. Фигурные камни Рачейских Альп как специфический элемент местного культурного наследия / VI Всерос. науч.-практ. конф. (2018; Самара). Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Самара,

2018 г. [Текст] / М-во культуры РФ, СГИК; под ред. С.В. Соловьевой. – Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. – 614 с.

27. Павлович, И.Л. Ангел из библиотеки и самарская легенда о Ма-каваасах /И.Л. Павлович, Е.В. Буланова // Materials of the XII International scientific and practical conference, «Areas of scientific thought», - 2015/2016. Volume 6. Political science. History. Sheffield. Sciect and education LTD – 104 с. С.91-98

28. Павлович, И.Л. Легенды самарского заречья. По следам неиз-веданного / И.Л. Павлович, О.А. Ракшин – ООО «Книга», Самара 2012 – 168 с., С. 117-134

29. Павлович, И.Л., Ратник, О.В. Региональное краеведение и не-учтенное культурное наследие / И.Л. Павлович, О.В. Ратник // Сборник ста-тей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. – 324 с.

30. Платов, Ю.В. НЛО и современная наука / Ю.В. Платов, В.В. Руб-цов – М.: Наука, 1991, - 176 с.

31. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Л.: 1984. – 146 с.

32. Ратник, О.В. Изменение представлений о роли капища Белая лошадь у жителей села Смолькино (Самарская область) в XX веке // Мате-риалы конференции «Человек и общество в условиях войн и революции» – Самара: Самар.гос.техн.ун-т, 2015. – 305 с.

33. Русская традиционная культура / гл. ред. Н.Н. Шанторенков. – М.: ООО изд-во «РОДНИКЪ», 1996. – № 3. – С. 95 – 125.

34. Рыбаков, Б. А. Русское прикладное искусство X – XIII веков / Б.А. Рыбаков. – М.: 1972. – 168 с.

35. Тайны острова Пасхи [Текст] // авторский сайт Будариан М.Д. [Электронный ресурс] <http://kometa-vozmezdie.ru/308-angel-iz-biblioteki.html> (дата обращения 22.11.2015 г.)

36. Тарнапович, Я. Гончарные изделия крестьян Городицкой во-лости Новогрудского уезда Минской губернии / Я. Тарнапович // Записки Северо-Западного дела императорского Русского географического обще-ства. – Вильна 1912. – Кн. 1. – С. 332–340

37. Украл идолов. В чувашском селе осквернена языческая свя-тыня / Областной аналитический еженедельник «Хронограф» [Текст] <http://chronograf.ru/articles/?num=143&a=3193> (дата обращения 22.02.2018 г)

38. Федотов, Г.Я. Послушная глина: Основы художественного ре-месла / Г.Я. Федотов. – М.: АСТ–ПРЕСС, 1999. – 144 с.

39. Хэнкок, Грэм Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. Пер.с англ. – М.: Вече, 1997. -496 с.
40. Церетели, Н. Русская крестьянская игрушка / Н. Церетели. – М.: 1933. – 48 с.
41. Шабалина, И. Горы, сосны и глас веков // Самарские известия №99 (6288) от 08.06.2012, электронная версия [Текст] <http://samarskieizvestia.ru/document/13976> (дата обращения 22.02.2018 г)
42. Шауро, Г.Ф. Народные художественные промыслы и декоративно-прикладное искусство / Г.Ф. Шауро, Л.О. Малахова. – Минск: Республиканский институт профессионального образования, 2015. – 173 с.
43. Щербина, Ю.Г. Народное декоративно-прикладное искусство Кубани : вторая половина XIX-начало XXI вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культурологии: 24.00.01 / Ю.Г. Щербина. – Краснодар, 2007. – 32 с.
44. Шутова, Н.И. Проблема охраны деревенских святынь как объектов природного и историко-культурного наследия / European Social Journal 2014, №6 – 3(45), С.385-389
45. X – Ритуал / газета Время X, №50 – 51, - 1994

Сведения об авторах

Антонова Елена Леонидовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры. ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород

Вершинская Галина Михайловна

Преподаватель СПО. ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород

Павлович Игорь Львович

Ведущий инженер Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва (самарский университет), г. Самара, Российская Федерация

Шулика Мария Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры. ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород

Яковлева Людмила Викторовна

старший преподаватель. ГБОУ ВО Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород

Электронное научное издание
сетевого распространения

Культура, искусство и творчество: история,
современные направления развития и
достижения

монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-907072-57-2

Усл. печ. л. 4,1.

Объем издания 4,7 МВ

Оформление электронного издания: НОО
Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Дата размещения: 25.12.2018 г.

URL: <http://scipro.ru/conf/monographculture.pdf>.